

Ликвидатор

Автор:

Юрий Бурносов

Ликвидатор

Юрий Николаевич Бурносов

WarFist #2

Эхо войны между Легионом Свободы и Синдикатом донеслось в самые далекие уголки планеты. Не прав тот, кто думает, что война идет только на экранах телевизоров и в Интернете. В тех местах, которые не всегда показывают на картах, свистят пули и гремят взрывы, гибнут люди и обращаются в руины целые города.

Сергей Мамонтов, ликвидатор Легиона Свободы, прибывает в Кувейт, дабы выполнить опаснейшее задание командования. Мамонт хитер, решителен и смертоносен. Но чем дальше, тем больше он убеждается, что в большой игре между Легионом и Синдикатом ему отведена роль разменной монеты.

С этого момента ликвидатор может доверять только себе. Единственный друг – верный пистолет, единственное желание – дожить до завтрашнего утра. Единственная цель – не дать себя ликвидировать.

Юрий Бурносов

Ликвидатор

© Бурносов Ю., 2018

* * *

Тот, кто выигрывает войну, никогда не перестанет воевать.

Э. Хемингуэй, «Прощай, оружие!»

Часть 1. Рикошет

Глава 1. На крючке

2031 г., Эль-Бурган, Кувейт

Я медленно бреду к двухэтажному зданию почты, где находится временный штаб Синдиката. Лоб мой блестит от пота, но виной тому не волнение и тем более не страх, а засушливый климат Эль-Бургана, города, выросшего вокруг крупного нефтяного месторождения в Кувейте около десяти лет назад.

– Твоя цель – подполковник Роберт Огден, – вещал генерал Джон Тейлор с экрана мобильного во время вчерашнего сеанса связи. Картинка слегка подрагивала и время от времени зависала: Интернет в этих краях был явно далек от идеала. – Ты ведь справишься, Мамонт?

Я пожал плечами:

– Должен.

«Должен»... Вся идея Легиона построена вокруг этого самого слова. «Мы должны...», «Долг превыше всего», «На нас рассчитывают...». Джон Тейлор повторял подобные фразочки изо дня в день, и в его исполнении они звучали, как древние заклятья, которые действительно способны зажечь сердца единомышленников.

Двое солдат, едва меня завидев, вытянулись в струнку и отдали под козырек. Я нехотя остановился, ответил им тем же и с каменным выражением лица продолжил свой путь.

– Это Харрис, что ли? – услышал я за спиной заговорщицкий шепот.

– С ума сошел? – фыркнул второй голос. – Харрис же майор, а это – капитан.

– Вот черт, и правда. А это тогда кто?

– Твое какое дело? Погнали уже, пока нас опять не припахали.

Я улыбнулся самыми уголками рта, слыша их удаляющиеся шаги. Форма офицера Синдиката не только служила пропуском во временный штаб, но и избавляла облаченного в нее человека от неуместных вопросов сержантов, капралов и прочей шушеры рангом ниже. И то, что на форме этой имелись грязные пятна, что она слегка пованивала, только добавляло мне вистов в глазах простого солдата – они видели в безымянном капитане настоящего мужика, который не боится запачкать руки. Готов спорить, никто не догадается, что воняет от меня треклятой эль-бурганской канализацией, через которую я и проник на территорию Синдиката. Вонь, подобной той, что царила внизу, мне прежде вдыхать не доводилось. Как меня не вывернуло наизнанку, ума не приложу.

Я утер пальцем проступившую слезу: накладные усы щекотали нос. Удивительно, насколько они меняют человека. Многие считают, что изменить внешность не так-то просто, но на самом деле мне для этого нужно всего три вещи – накладные усы (или бородка), линзы (чтобы сменить цвет глаз), головной убор (чтобы скрыть волосы) и выработанное годами хладнокровие. Вы можете изменить внешность до неузнаваемости, но выдать себя одним мимолетным движением. Или же надеть линзы с бородкой и спокойно продефилировать

через вражеский лагерь прямо к цели – если у вас достаточно выдержки и самообладания. Был, конечно, и более любопытный способ, чем «костюмированная вечеринка», но я, как обычно, старался не усложнять там, где это не требуется, и потому обошелся самым примитивным гримом.

Дежурившие у входа в штаб рядовые отдали мне воинское приветствие. Я на сей раз ограничился лишь сдержанным кивком и, толкнув дверь, вошел внутрь.

Внутри царил могильный холод: кондиционеры на стенах работали на полную катушку. Я невольно вспомнил детство: за окном снег метет вовсю, мороз минус двадцать, а у нас в малосемейке на окраине Подольска батареи буквально ледяные... Поежившись, я отогнал прочь неуместные воспоминания и сосредоточился на задании.

Слева от входа несколько офицеров толпились у закрепленной на стене сенсорной панели, видимо обсуждая грядущее наступление; справа двое, первый лейтенант и тучный сержант, пили кофе, о чем-то негромко переговариваясь. Не задумываясь, я шагнул к этой парочке и спросил:

– Где я могу найти майора Харриса?

– Должен быть наверху, в архиве, – ответил лейтенант. Сержант рядом с ним на всякий случай отставил кружку в сторону и выпрямил спину. – Не желаете кофе, сэр?

– Благодарю, но нет. – Я уже спешил к лестнице, ведущей на второй этаж.

Однако стоило мне ступить на первую ступеньку, как Харрис сам вышел мне навстречу – он с беззаботным видом спускался вниз, когда наткнулся на меня.

– Это я, Сэм, – прошептал я, посмотрев на него в упор.

– Мамонт? – после непродолжительной паузы спросил он одними губами.

Я взглядом указал наверх, а вслух сказал:

– Срочное сообщение, сэр. Мы могли бы поговорить с глазу на глаз?

– Конечно. – Он затравленно покосился на пьющих кофе, затем – на толкущихся у панели офицеров. – Конечно... капитан. Пройдемте наверх.

Он развернулся и устремился обратно на второй этаж. Я пустился следом, спиной чувствуя задумчивые взгляды лейтенанта и сержанта. Сомневаюсь, что они меня в чем-то заподозрили, но каждый из них наверняка подумал: «Почему я совсем не помню этого парня?»

Если все сложится удачно, мы больше никогда не увидимся и они не спросят напрямик, кто я и как здесь оказался.

Едва мы вошли в комнату Харриса, он закрыл дверь и набросился на меня с вопросами:

– Что ты здесь забыл? Это часть новой миссии? Почему мне не сообщили? Генерал Тейлор в курсе?

– Вообще-то он меня сюда и направил, – пожал я плечами.

– Зачем? – Майор глупо захлопал глазами.

– Чтобы я устранил Огдена.

Харрис побледнел, закусил нижнюю губу и покачал головой.

– Почему же он меня в известность не поставил? – хриплым от волнения голосом спросил наш добрый «крот». – Еще слишком рано...

– В самом деле? – усмехнулся я. – А вот генерал считает иначе.

– Генерал... Он в десятках тысяч миль отсюда, а мы – здесь, мы все видим... – Харрис быстрым шагом прошел через комнату к окну, выглянул наружу, словно опасаясь, что ошивающиеся поблизости солдаты каким-то образом смогут подслушать, о чем мы тут болтаем.

– Нам нельзя... – начал было он, однако я не дал ему закончить.

Шприц с ядом вонзился в незащищенную шею «крота», и Харрис вздрогнул всем телом.

– Что... что ты... – слабым голосом пробормотал он, пытаясь ухватиться за меня, чтобы не упасть.

Однако я безучастно отступил в сторону, позволив ему рухнуть на колени, а потом для верности толкнул его ногой. Когда затылок коснулся пола, он уже был мертв. Яд торикабуто, столь почитаемый японскими ниндзя, как обычно, не подвел.

За спиной скрипнули дверные петли. Я оглянулся через плечо и увидел бледное лицо давешнего лейтенанта.

– Что встал?! – рявкнул я, опережая любые вопросы. – Не видишь, человеку плохо?! Врача, бегом!

Мой крик живо вывел его из ступора: отрывисто кивнув, парень бросился вниз, перепрыгивая через несколько ступенек за раз. Я же, не медля, резко поднял оконную раму и выглянул наружу. Высота смешная, конечно, но подвернуть ногу можно запросто, а с вывихом попробуй убеги от разъяренных солдат Синдиката!..

Впрочем, иного пути для отступления у меня все равно не было, и потому я споро выбрался наружу, ухватился за подоконник и повис на руках. Посмотрев вниз и убедившись, что ничего опасного подо мной нет, я мысленно сосчитал до трех и разжал пальцы.

Приземление нельзя было назвать мягким – все-таки армейские ботинки для подобного «паркура» обувь не самая подходящая, – однако обошлось без травм. Оправив растрепавшуюся форму, я устремился к ближайшей подворотне, намереваясь отыскать канализационный люк и благополучно скрыться, как вдруг меня нагнал до боли знакомый голос:

– Стоять.

Я замер. Медленно, стараясь не провоцировать «невидимку», повернул голову на голос и увидел достопамятного лейтенанта. С каменным выражением лица он направлял на меня пистолет.

– Вы нашли врача? – нахмутив брови, строго поинтересовался я.

Мой вопрос его заметно удивил. Он ведь до конца не понимал, что происходит. Станный, незнакомый ему капитан появляется в штабе, поднимается наверх, чтобы встретиться с майором, потом требует вызвать для этого майора лекаря, а сам благополучно покидает здание через окно... Чертовщина какая-то, не иначе. Но, так как, по сути, никаких доказательств против меня нет, а безосновательно обвинять старшего по званию – идея не самая лучшая, лейтенант просто переминается с ноги на ногу, на всякий случай держа меня на мушке.

– Нет, но... – попытался оправдаться парень, однако я свирепо воскликнул:

– И почему?! Майор Харрис при смерти, а вы за мной гоняетесь?!

Возмущаясь, я мимоходом сумел повернуться к нему лицом и даже сделать махонький шажок навстречу. Увлеченный моей пламенной речью, он то ли ничего не заметил, то ли не придавал своим телодвижениям особого значения.

Зря.

– Вы... вы только что выпрыгнули из окна второго этажа! – дрожащим от волнения голосом напомнил он, не опуская пистолет. – Потрудитесь объясниться... сэр!

– Почему я должен объясняться перед младшим по званию, скажите-ка мне, лейтенант?! – рявкнул я, продолжая корчить злобные рожи и семенить к моему пленителю.

Нас разделяло всего два шага.

Я резко задрал голову и, глядя на окно, через которое вылез, радостно воскликнул:

– Харрис, старина! Слава богу, вы живы!..

Лейтенант инстинктивно повернулся, чтобы лично взглянуть на ожившего майора, а мне только это и нужно было: резко подступив к нему, я безжалостно выдрал пистолет из рук лейтенанта и огрел его по голове рукоятью. Он рухнул без чувств – удар пришелся в височную долю, – а я метнулся к ближайшей подворотне. Скрывшись за огромным мусорным контейнером, чудом уцелевшим во время недавней бойни за восточный Эль-Бурган, я споро стянул походный китель, обтер его краем пистолет и вместе с кепкой и надоевшими усами отправил все это богатство в помойку. Блестя наголо бритой головой, я в синей-черной футболке Синдиката неспешно устремился к виднеющемуся неподалеку канализационному люку. Шел я вразвалочку, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Я практически не сомневался, что лейтенант находится в отключке и что с затылка меня не так-то просто опознать, однако рисковать не стоило.

По-хорошему, мне бы убраться из проклятого Эль-Бургана, пока собратья по оружию из Легиона не прознали о моем неожиданном предательстве. Но, как назло, на вечер у меня была запланирована крайне важная встреча в городской черте, пропустить которую я никак не мог.

К счастью, стычкой с чересчур любопытным лейтенантом мои похождения на территории Синдиката и закончились: беспрепятственно достигнув люка, я опустил на корточки рядом с чугунной крышкой.

Канализация встречала меня знакомой вонью.

* * *

2031 г., ранчо «Эстрелла», Финикс, Аризона

Когда ноутбук разразился характерным звуковым сигналом, Джон Тейлор находился в кухне на втором этаже, где варганил нехитрый завтрак из трех яиц и пары сосисок. Нахмурившись, он выключил плиту и прошел в кабинет мимо дежурившего у входа солдата.

Увидев, кто именно его вызывает, генерал помрачнел еще больше.

«Ричард, Э-Б».

– Принять, – прогремел Тейлор.

На экране возникла обеспокоенная физиономия старого знакомого Тейлора – полковника Ричарда Уайлдера. Джон познакомился с Ричардом во время первой Афганской кампании, когда тот еще не обзавелся тяжелыми, как у откормленного кота, щеками, а густые брови и коротко стриженные волосы не выбелила ранняя седина.

– Что-то экстренное, Дик? – спросил Джон, облокотившись на столешницу.

– Можно сказать и так, сэр, – ответил полковник с экрана ноутбука.

Он замялся – видимо, отчаянно подбирал слова.

– Что случилось? – спросил Джон.

Ричард поднял голову и, вздохнув, сообщил:

– Мамонт пропал, сэр. Он должен был выйти на связь два часа назад, но до сих пор этого не сделал. Я взял на себя смелость лично связаться с ним, однако его мобильник вроде как... отключен.

На некоторое время воцарилась тишина. Закатив глаза к потолку, Джон жевал нижнюю губу, а Ричард на экране терпеливо ждал, пока генерал все обмозгует.

– Что ж, пожалуй, нам остается только ждать, – наконец произнес Тейлор. – Возможно, у него возникли какие-то сложности и он выйдет на связь попозже.

– А что, если он прокололся, сэр? – откашлявшись, спросил полковник.

– Пока что просто ждем, Дик, – с нажимом повторил Тейлор. – Если Сэм выйдет на связь, звони в любое время дня и ночи. Если же нет... – Джон бросил взгляд

на наручные часы. – Дадим ему время до утра. Потом набери меня, будем что-то решать.

– Вас понял, сэр, – кивнул Ричард.

– Конец связи, – сказал Джон и нажал отбой.

После он вернулся на кухню и снова включил плиту.

* * *

2031 г., Эль-Бурган, Кувейт

Я сидел за стойкой в занюханном баре на западной окраине Эль-Бургана, вертел в руках стакан с водой и хмуро рассматривал в треснувшем зеркале на стене собственное отражение. Тринадцать лет назад это лицо еще не было изрезано морщинами да шрамами, а его обладатель мог похвастаться пышной пепельной шевелюрой и лучшим хуком с правой среди студентов университета Северной Каролины. Его, к слову, когда-то окончил небезызвестный Майкл Джордан и многие другие выдающиеся спортсмены. К сожалению или к счастью, учеба давалась мне куда труднее, чем бокс, и со второго курса меня отчислили за неуспеваемость. Затем была армия, пламенные речи генерала Джона Тейлора, участие в его Иранской кампании...

И памятная Сирджанская Мясорубка.

Я сжал стакан так, что он едва не лопнул. Опомившись, я спешно опустил его на стойку и сплел пальцы рук перед собой. Прошло без малого десять лет, но те события свежи в памяти, как будто это случилось только вчера. Боюсь, я уже никогда не забуду рокот сотни автоматов, замечательного Винни Коэна, моего друга, умершего прямо у меня на руках, и первую личную встречу с генералом Тейлором, которая состоялась через день после моего чудесного возвращения в Бендер-Аббас.

Я бросил взгляд на часы, чертыхнулся и оглянулся через плечо. Большая часть столиков в мрачном зале бара пустовала. Лишь за двумя из них восседали солдаты Легиона, находящиеся то ли в увольнении, то ли в самоволке. Как и положено обычным рядовым, не обременяющим себя лишними мыслями, они шутили, ржали, как кони, и пили дрянную местную водку. Мне жутко хотелось покинуть это богом забытое место, однако я вынужден был ждать связного.

– Еще воды, не? – предложил бармен на ломаном английском и осклабился, довольный собственной остротой. Был он тощий араб с черными волосами и вытянутым треугольным подбородком.

– Нет, – бросил я без тени улыбки.

– А ты не с ними, не? – Бармен кивком указал на развлекающихся солдат.

– Нет.

Он покивал и, поняв, что я не настроен развлекать его беседой, разочарованно отвернулся к кассе.

По счастью, связной прибыл точно в срок, не заставив меня ждать ни одной лишней минуты.

– Мистер Сэм, – с донельзя фальшивой улыбкой произнес тощий мужчина, опускаясь на табурет рядом со мной. – Как я рад вас видеть!

– Не поверите, мистер Жук, но сегодня я даже готов ответить вам взаимностью, – сказал я, с ненавистью глядя поверх стекол моих «хамелеонов», как он усаживается и поправляет растрепавшиеся волосы.

Даже второсортные шмотки, которые связной, кажется, отобрал у кого-то из местных нищеводов, не могли скрыть его слащавого лоска. Подобная омерзительная «вылизанность», к сожалению, была присуща большинству современных американцев, которые с чего-то решили, что в сине-черном движении Синдиката – их спасение от докучливой бедноты. Жук в этом обветшалом баре казался неуместным, словно улыбчивый коммивояжер на похоронах.

«Кому еще карманную библию? Только сегодня за девять девяносто пять!..»

– До чего приятно слышать! – продолжая улыбаться во все тридцать два, соврал он.

Щелчком пальцев обратив на себя внимание бармена, Жук заказал себе виски.

– Итак, дело сделано, – сказал я, не без удовольствия глядя на его скривившуюся после первого же глотка физиономию: как и следовало ожидать, пошло в этом месте явно было хуже некуда. – На этом, надеюсь, все? Мы свободны?

Он не ответил. Я хотел повторить вопрос, когда на мой телефон, как по заказу, пришло сообщение. Жук использовал простую, но изящную схему пересылки информации: все необходимые материалы, включая фото и видео, он пересылал по ИК-порт через специальное приложение, что практически исключало возможность перехвата. Схожим приложением пользовался, к слову, и Легион, когда речь шла о сверхсекретных стратегических данных: на Синдикат работало немало «продвинутых» хакеров, способных в два счета расшифровать канал (или как там правильно называется подобный взлом на сленге программистов?..).

– Взгляните-взгляните, – сказал Жук, когда я вопросительно посмотрел на него.

Прочитав письмо, я недоуменно нахмурился.

– Это какая-то шутка? – спросил, покосившись в сторону давящегося отвратным вискарем Жука.

– А разве прежде мы с вами шутили, мистер Сэм? – откашлявшись, спросил он.

– Судя по всему, никогда не поздно начинать. Я одного не пойму: почему вы засуетились только сейчас, почему не раньше? Ну, когда я еще был по... нужную сторону баррикад?

– Не я выбираю для вас цели, мистер Сэм, – пожал плечами Жук. – Если шеф рассудил, что сейчас – самый подходящий момент, значит, прежде эта миссия и вовсе была невозможна.

– Хотел бы я знать, почему, – пробормотал я еле слышно.

Таинственный шеф Жука, скрывающийся под псевдонимом Гарри Гопкинс, отчего-то решил, что мне рано покидать Эль-Бурган. Более того – он, по сути, хотел, чтобы я нагрязнулся в осиное гнездо, отыскал там некоего капитана по имени Джеральд Грин и, прихватив его с собой, свалил прежде, чем нас обоих наспигуют свинцом. С одной стороны, получать подобное задание вроде как даже лестно: заказчик явно считает меня профессионалом экстра-класса. С другой стороны, истинный профессионал экстра-класса ни за что не полезет в подобную передрагу.

Но у меня были чертовы «особые обстоятельства». И хитрый Гарри Гопкинс, благополучно мне их создавший, теперь распоряжался мной, как вздумается.

– Пришлите мне список того, что вам понадобится для выполнения задания, – сказал связной, наблюдая, как я, хмурясь, перечитываю письмо снова и снова. – И приступайте как можно скорее. Вам ведь, надеюсь, не надо напоминать, что задержка может быть расценена как отказ, а его мы не приемлем.

Он мерзко улыбнулся, и я лишь с превеликим трудом сдержался, чтобы не врезать ему по морде прямо здесь и сейчас. Но то, чем они меня шантажировали, вынудило снова подавить это желание.

– Всю дополнительную информацию, – с гаденькой улыбкой продолжил Жук, – вы получите на ящик чуть...

Громкий хохот из глубины зала вынудил связного замолкнуть. Я оглянулся через плечо и увидел стройную темноволосую официантку, которая стояла, уперев руки в боки, возле столика с квартетом пьяных солдат.

– Что вы себе позволяете? – воскликнула девушка с нетипичным для здешних мест русским акцентом.

Во второй раз я оглядел ее куда более тщательно. Черт возьми, неужели это моя соотечественница? Но какого лешего она забыла в Кувейте?..

– Послушай, милая... – Один из солдат, веснушчатый и рыжий здоровяк с детским лицом, протянул к официантке руку, намереваясь, судя по всему, обхватить ее за осиную талию и притянуть к себе, однако девушка ловко отступила в сторону, и легионовец едва не сверзился со стула.

Я едва сдержал смехок. Грязные тупорылые свиньи. Видел бы их сейчас Джон Тейлор!.. Думаю, он был бы до того зол, что самолично выбил дурь из всей четверки.

– Ты че творишь, сука? – разозлился Рыжик.

Я напрягся и инстинктивно повернулся к разбушевавшимся воякам. Агрессивно настроенный солдат оперся обеими руками на столешницу и грузно поднялся. Девушка заметно побледнела, шагнула было назад, однако на сей раз Рыжик проявил чудеса прыткости и умудрился схватить ее за запястье. Он размахнулся свободной рукой, явно намереваясь отвесить ей звонкую пощечину...

– Эй!

Мой голос перекрыл пьяное бормотание пьянчуг, и все обратились ко мне, разом замолкнув, – официантка, Рыжик, его дружки, парни за соседним столиком... Затылком я чувствовал взгляды бармена и Жука.

Я ощутил себя экспонатом в музее, вокруг которого столпилась толпа зевак, и это ощущение нельзя было назвать приятным. И хотя в детстве я любил находиться в центре внимания, армия сделала меня нелюдимым и скрытным.

Но сейчас я просто не мог молчать.

У любого есть собственный кодекс чести. Иные не гнушаются колотить жен и детей (нередко – не только своих), для меня же проще отправить на тот свет взрослого мужика, чем поднять руку на женщину или ребенка. Эль-Бурган – зона боевых действий, мы здесь воюем, убиваем друг друга ради целей, которые преследуют наши полководцы Эдвард Уоррен и Джон Тейлор. Но мы не должны вовлекать в наши распри невинных жителей.

Чтобы развеять последние сомнения, я спрыгнул с табурета и вразвалочку направился к Рыжику, беззастенчиво глядя ему прямо в зеленые глаза через тонированные стекла очков. Он невольно сглотнул набежавший в горле ком, а потом, по-прежнему сжимая запястье официантки, прошипел:

– Тебе чего, мужик?

– Убери руки от дамы, пьянь, – сказал я негромко, но твердо. – Не видишь, ей больно?

– Это ее проблемы, – пожал плечами Рыжик. – Нечего разговаривать в таком тоне с осло... освободителями!

– Какого дьявола ты перед ним оправдываешься, Марк? – подал голос еще один верзила, утерев с квадратной челюсти капли водки. – Врежь мудаку как следует!

Рыжик на секунду замер, точно статуя, видимо пытаясь сообразить, как ему, не выпустив норовистую официантку, врезать дородному хаму в щегольских «хамелеонах». Мне оставалось только подбросить угля в топку; замерев в двух шагах от него, я расплылся в наглой улыбке и поманил его к себе обеими руками со словами:

– Смелей, цыплята. Врежьте мудаку... если сможете.

Словечки типа «цыпленок» всегда будят внутренних демонов, которые живут в головах подобных дерзких типов. Вчерашний тинэйджер, морда до того глупая и наивная, что, кажется, он поменял джойстик своей любимой «плейстейшен» на автомат только сегодня утром. По крайней мере, мне проще было представить этого идиота на очередном заседании «братства» в студенческой общаге, чем посреди раздираемого боями города в богом забытой стране.

– Как ты нас назвал, мужик? – просипел Рыжик.

Он наконец-то выпустил запястье официантки, и она поспешила было к дверям кухни, когда на пути вырос еще один «герой» – ушастый тип, черные волосы которого были стрижены «площадкой».

– Не спеши, милая, – ощерился он.

Его слова послужили отправной точкой.

Ребром ладони Рыжику в кадык, легким толчком отправляю его на стол к приятелям – главное блюдо, ребятки! Его дружок с квадратной челюстью пытается возмутиться, но я ломаю ему нос беззлобным, выверенным ударом, и он снова падает на стул.

Официантка, по счастью, оказывается расторопнее пьяных вояк и догадывается уйти с «линии огня». А вот Ушастый почему-то решил, что даже несколько рюмок не помешают ему одолеть абсолютно трезвого ликвидатора, который в будничном темпе уже вырубил двоих. Досадная ошибка, очень досадная. Пока он замахивался, намереваясь сокрушить меня мощным хуком, я успел бы выпить пару кружек кофе, но не стал превращать потасовку в цирк и всего лишь пробил ему в «солнышко» с ноги, буквально опрокинув на пол.

Рыча, ко мне бросились двое дружков Ушастого, а сзади, я уже слышал, бежали мстить за Квадратную Челюсть и Рыжика. Я улыбнулся самыми уголками рта: потрясения службы, в частности – Сирджан, сделали меня немножко безумным.

А потом мы немного потанцевали.

Челюсть, кадык, локтем назад в переносицу, этому под правую «чашечку», потом ему же, согнувшись, коленом в лицо со всего размаха, поворот и – к тому, что обеими руками схватился за горло. Ногой в солнечное сплетение – и бедолага отправляется к корчащемуся на полу Ушастому. Довершаю дело, элегантно «па» опрокидывая на пол Квадратную Челюсть, который решил, что достаточно отошел от первого удара. Напрасно, лучше б остался за столом, танцоров и без него хватало.

В итоге он падает мордой в лужу пива на полу.

Я поворачиваюсь к стойке. С лица бармена наконец-то сползла надоедливая улыбка, Жук пропал, а официантка стоит, закрыв рот ладонью, и ошарашенно смотрит на разбросанные по полу тела. Солдаты стонут, но подняться не могут – вероятно, это их первый серьезный танцевальный конкурс.

Я поправляю очки, подхожу к стойке, допиваю воду из стакана и, повернувшись к девушке, спрашиваю на чистом русском:

– Мне показалось или вы из России?

– Так ты земляк, мать твою?! – восклицает она в ответ с радостной улыбкой.

* * *

– Охрана у вас тут, конечно, те еще ротозеи, – заметил я, провожая скептическим взглядом двух верзил, волокущих к выходу поверженных солдат. – Если бы я не вмешался...

– То ничего бы нового не случилось, – презрительно фыркнула девушка. – Я, конечно, тебе благодарна и все такое, но, думаю, ты и сам понимаешь, что подобные дуболомы сюда заходят нередко.

Мы сидели за столиком в дальнем углу помещения, подальше от докучливого бармена и еще не вышвырнутых из бара мордоворотов Легиона. Жук как отчалил, так больше и не возвращался, однако в те мгновения я думал вовсе не о треклятом наглеце. С глупой полуулыбкой я смотрел на курносый нос официантки, на темно-русые волосы, спадающие на ее плечи, на покусанные губы, пухлые щечки и голубые, цвета июньского неба, глаза. Она то ли не признавала, то ли просто не могла позволить себе никакой косметики, но это – удивительно! – нисколько ее не портило. Бывает ведь естественная красота такой силы, что ее ничем подчеркивать не надо...

А еще она безумно напоминала мою первую школьную любовь. Ту девочку звали Марина Синякина. Она сидела на первой парте и много умничала, но была чертовски красивой, а я пребывал в том возрасте, когда ты любишь женщину не за совокупность качеств, а просто за смазливое лицо.

– Понимаю, – отозвался я. – Но мне другое неясно: куда в такие моменты смотрят дуболомы, которые вас охраняют?

– Они за баром приглядывают, а не за теми, кто в нем работает, – пожала плечами девушка. – Тем более, я чужая. – Она изобразила пальцами кавычки. –

«Какая-то заблудшая русская».

– То есть, русских они не очень-то жалуют? – выгнул бровь я.

– Да не то чтобы именно русских... Им тут просто любые чужаки сугубо параллельны.

– Ну, это во всем Кувейте так, – пожал плечами я.

– Да, так, – закивала девушка. – Я тоже успела заметить – за два-то года.

Мы помолчали. Я вертел в руках новый стакан с водой, она наблюдала за тем, как вытаскивают из бара Рыжика – главного «затейника», из-за которого потасовка, собственно, и началась.

– Тебя как зовут, кстати? – спросил я, решив нарушить эту неловкую тишину.

– Марина, – не поворачивая головы, бросила она.

– А фамилия, часом, не Синякина? – вырвалось у меня.

Марина одарила меня удивленным взглядом из-под длиннющих ресниц и проронила:

– Нет. Семейное положение и количество детей интересует? Может, загранпаспорт показать?

– Ладно тебе, проехали. – Я отвернулся, хлебнул из стакана.

– Ну тогда, может, свое имя назовешь? Ну, хотя бы из вежливости? – спросила она с плохо прикрытым сарказмом.

Я открыл было рот, намереваясь представиться настоящим именем, но тут же себя одернул. Что еще за глупая сентиментальность? Встретил землячку – и сразу перед ней душу нараспашку? Где твой профессионализм, Мамонт? Куда он вдруг улетучился?

– Сэм, – прокашлявшись, сказал я. – Сэм... Хэйз, если тебе интересно.

– Что-то не больно ты... не больно-то похож, честно сказать, – скептически отметила Марина. – На Сэма-то Хэйза.

– Ты про мой русский? – Я снова поднес стакан к губам. – Моя мать оттуда, из Петербурга, а вот отец – американец. Мама потом рассказывала, что изначально хотела назвать меня Сергеем, но отец настоял на имени Сэм: он с самого начала не собирался надолго задерживаться в России. Собственно, так и вышло: мы переехали в Штаты, когда мне было пять лет и я уже неплохо так болтал по-русски. Ну а потом волей-неволей пришлось учить английский... хотя мать и русский не давала забыть. Для нее это была такая... отдушина – поговорить с кем-то на родном языке о том, о сем.

Удивительно, но в этой истории лжи было не очень много: пусть на самом деле мой биологический папаша исчез с радаров, едва узнал о беременности матери, но приемный отец действительно перевез нас в Америку. Мне, конечно, было уже не пять, а все десять, и я успел немало перенять у ребят из Подольска, таких же неблагополучных обитателей «хрущевок», как и мы с мамой. Но факт оставался фактом: вырослел я уже в США, и поначалу мне там, мягко говоря, были не слишком рады – отчасти из-за того, что по паспорту меня звали Сергей.

– Не поверишь, но судьба твоей матери удивительно похожа на мою, – произнесла Марина, рассеянным взглядом уткнувшись в стул, стоящий напротив. – Правда, детей у меня не было, да и замуж я вышла не за американца, а за англичанина... но от этого, поверь, с кем-то из наших пообщаться хотелось не меньше.

– Так ты жила в Англии? И каким тогда ветром тебя занесло сюда?

– Ветром «Справедливости». – Выражение ее лица мгновенно ожесточилось. – Стоило им прийти к власти, и я тут же овдовела, а еще чуть позже лишилась крыши над головой. Тогда и решила, что дольше оставаться на этом тонущем судне под гордым названием «Великобритания» мне недосуг.

– Но почему ты не вернулась в Россию?

– А ты? – Она пристально посмотрела мне прямо в глаза, надеясь, видимо, смутить, но я был тертый калач и не поддался на эту уловку. – Сам-то зачем поехал в Кувейт?

– Прости, но это не та информация, которой я готов поделиться. – Я изобразил виноватую улыбку.

– Ну вот и я не готова, – слегка раздраженно сказала она. – Надеюсь, с обоюдным пониманием?

– Разумеется.

В этот момент в зал из кухни нагрянул, как я понял, хозяин бара. По крайней мере, его насупленная круглая физиономия и уверенная походка наводили на мысль, что он в этих стенах чувствует себя, как дома.

– Марин, что опять случилось? – Подступив к нам, толстяк махнул рукой в сторону вытирающего пол бармена – после потасовки на полу оказалось немало водки и пива.

– Вояки хамят, – с непередаваемым акцентом ответила девушка.

– Ох уж мне эти американцы... – проворчал хозяин. Лоб его блестел от пота, как и волосатые руки, которые он упер в бока, оставив на потасканной футболке сальные пятна. – Думают, им везде рады, думают, что они такие влиятельные...

Выудив из кармана мешковатых шорт мятый платок, толстяк протер им лицо и, окинув Марину придирчивым взглядом, сказал:

– Ты вот тоже, хватит прохлаждаться, лучше помоги Ибрагиму убрать за этими свиньями.

– Хорошо, сэр, – кивнула девушка и, шепнув мне: «Труба зовет», выпорхнула из-за стола.

– Пока, – бросил я, задумчиво глядя ей вслед.

Она не ответила. Подойдя к Ибрагиму, остановилась в метре от него и стала что-то рассказывать – судя по его хмурой мине, нечто не слишком увлекательное. Допив воду, я кивнул хозяину, он с явной неохотой кивнул в ответ.

– Вы тоже из этих? – спросил он, когда я уже был на полпути к двери.

Остановившись, я оглянулся через плечо.

– Из Легиона? – уточнил на всякий случай, хотя и так прекрасно понял, о чем речь.

– Ну... да. – Он, видно, обычно звал нас «эти американцы» и «те», не забывая голову глупыми названиями, поэтому и растерялся немного.

– Нет, – сказал я.

«Уже нет» – добавил про себя и снова потопал к двери, провожаемый пристальным взглядом толстяка.

Не скажу, что решение предать Джона Тейлора далось мне просто. С другой стороны, он-то предал меня и еще две сотни человек давным-давно, просто оправдал это благородными побуждениями. Но в тот злополучный день, в Сирджане, моя вера в благородство могущественного полководца взяла и сдохла. С тех пор я не то чтобы просто отбывал номер, но точно не следовал зову сердца, как прежде. Кто-то скажет, что мне следовало просто уйти из вооруженных сил сразу после Мясорубки, кто-то – что не стоило пополнять ряды новоиспеченной армии генерала, решившего на старости лет бросить вызов модному Синдикату...

А кто-то считает, что месть – это блюдо, которое следует подавать холодным. И потому ни в чем меня не осуждает.

Так можно ли считать благородным мое многолетнее выжидание? Нисколько. И, более того, не возникни особые обстоятельства, я бы, возможно, никогда и не решился на это предательство.

Но случилось то, что случилось. Появился Гопкинс и подцепил меня на крючок.

Уже открыв дверь, я остановился и повернулся, чтобы еще раз взглянуть на Марину, но ее уже и след простыл. Лишь бармен Ибрагим скучал, опершись на швабру.

– До встречи? – снова осклабился он, поймав мой взгляд.

– Пожалуй, – после секундной заминки бросил я и вышел в солнечный Эль-Бурган.

* * *

2031 г., Вашингтон, США

– Это еще что за щегол? – буркнул пожилой автомеханик, покосившись на стоящего за правым плечом напарника.

– Да я откуда знаю? – фыркнул второй, проследив взгляд приятеля. Он казался чуток помоложе: хотя волосы его также покрывала седина, морщин на широком лице практически не было. – Я тут и работаю-то всего пару месяцев. Это ты у нас за старожилу.

– Нашел старожилу!.. – усмехнулся пожилой. – За год всю клиентуру не изучишь, тем более тут все меняется каждый день.

Он смерил приближающегося к автосервису мужчину оценивающим взглядом. Каждая деталь его гардероба казалась и, бесспорно, являлась дорогой: белоснежная приталенная сорочка, брюки угольно-черного цвета и туфли им в тон, ну и конечно же часы – статусные «ролексы», явно не какая-нибудь дешевая реплика. Глядя на перемазанных маслом вонючих механиков через стекла роскошных «рэй-бэнов», он, вероятно, чувствовал себя еще круче.

– А, да это ж этот... как его... мистер Джонсон! – припомнил Остин. – Из «Джеймисон Групп», банкиром там работает, кажется.

– Что-то я его не припомню... – хмуро заметил Джек.

– Да его ж по телеку показывают периодически, ты чего? Его сам Эдвард Уоррен хвалит, ага, говорит, за ним будущее наше, сечешь, стало быть? Ну и с хозяином он нашим вроде как дружит, заезжает иногда, на моей памяти, раза три сюда заскакивал, и вот – опять.

– День добрый, – остановившись метрах в трех от входа в автосервис, бросил Джонсон. – Я пришел забрать свой «альфа-ромео». Он готов?

– Думаю, да, сэр... – неуверенно ответил пожилой. – Напомнили б вы только, кто ею занимался?

– Курт ее вел, – подсказал второй автомеханик. – Так ведь, сэр?

– Ну да, наверное, – отмахнулся Щегол. – Так этот... Курт... он починил мою машину или нет? Он вообще где, здесь?

– Да... да, починил! – закивал пожилой. – А вот сам приболел...

– Я надеюсь, это не помешает мне забрать мою малышку? – с до омерзения фальшивой улыбкой процедил Джонсон.

– Конечно нет, – отмахнулся пожилой. – Вам вот сейчас в окошко надо, сэр. Курт, стало быть, продиктовал Мелиссе, что там почем, оплатите и возвращайтесь, а Джек пока выкатит вашу малышку. Ты ведь выкатишь, Джек?

– Да без проблем! – просиял второй.

Джонсон окинул его пропитанный маслом комбинезон брезгливым взглядом и возразил, снова повернувшись к пожилому:

– Э, нет, лучше я сам ее... выкачу. Просто отдадите мне тогда ключи и проводите к ней, о'кей?

– Как скажете, – пожал плечами пожилой, не без удовольствия глядя, как сползает улыбка с лица его более молодого товарища: он-то мечтал хоть с

полминуты посидеть за рулем дорогушего «альфа-ромео», а хозяин тачки его так лихо обломал.

– Так где у вас это окошко, говорите? – уточнил банкир, озираясь по сторонам.

– За угол сворачиваете. – Пожилой махнул рукой влево. – А там увидите, оно у нас тут одно.

– Понял. Пошел. Ключи готовьте, – бросил Джонсон через плечо и устремился в указанном направлении.

– Черт бы побрал этого треклятого сноба, – буркнул Джек, провожая вальяжно бредущего к углу богатея. – Думал, наверну кружок, пока он там с Мелиссой воркует, а он весь кайф обломал...

– Готов поспорить, он просто представил, как ты садишься на его бежевые сиденья в своей грязной робе, и ужаснулся, – фыркнул пожилой.

– Грязной робе... – Джек сплюнул себе под ноги и пошел к верстаку. – Да для него, Остин, полную химчистку салона оплатить – это ж такая мелочь! Ну, как мне жвачку купить в автомате. Мог бы и промолчать, в конце концов, мы ему тачку сделали, должна ж быть какая-то благодарность?

– Ну, допустим, в тачке его Курт ковырялся, а не ты, – напомнил Остин. – Ну и опять же – какая вообще благодарность, если он за ремонт платит?

– Платит... Надо было у Курта ключ выпросить, пока он с болячками не слег...

Джек выудил из кармана связку разноцветных ключей. Отыскав нужный, он вставил его в замочную скважину верхнего ящика верстака и повернул против часовой стрелки до характерного щелчка. Внутри обнаружилась целая гора различных брелоков. На каждом, чтобы не путаться, имелась картонная бирка с пояснением.

– Ну и почерк у Курта... – покачал головой Джек. Он вытащил из ящика брелок с пометкой «альфа-ромео 32С» и снова подошел к Остину. – Я еле разобрал, что тут написано.

– Ты сегодня как будто не в духе, – заметил пожилой. – Дома чего-то стряслось? Или просто встал не с той ноги?

– Да черт его знает, – пожал плечами Джек. – Вроде с утра был нормальный...

Пожилой хотел сказать что-то еще, когда из-за угла появился Джонсон, с ходу бросивший:

– Ну, что там, готовы мои ключи?

– Вот они, сэр. – Джек помахал в воздухе брелоком. – Давайте чек, и я вас к машине провожу.

– Держи. – Богатей вручил квиток автомеханику и, забрав брелок, придирчиво его осмотрел – видно, искал масляные пятна. – И где ж стоит моя малышка?

– Пройдемте. – Джек махнул рукой, увлекая банкира за собой.

Пожилой остался стоять у входа – руки в карманах, лоб блестит от пота: лето в этом году выдалось немыслимо жарким, будто Вашингтон по мановению волшебной палочки моментально перенесся в Калифорнию или Флориду. И как Курт вообще умудрился заболеть, подивился Остин, наблюдая за одиноким велосипедистом, чья майка была насквозь мокрой от пота. Кажется, что даже ледяные ванны под полной луной не смогут ничего поделать с этой беспощадной духотой.

Металлический скрежет за спиной привлек внимание Остина, и он оглянулся: позади Джек с пультом в руках наблюдал, как ворота гаража заползают под потолок, открывая чудесный вид – «альфо-ромео» последней модели, белоснежная, как сорочка ее обладателя. Пожилой невольно залюбовался роскошной машиной. Да уж, обычному механику такую не видать, как своих ушей.

«А ведь такая не только у него одного, – подумал Остин, наблюдая, как автомобиль бесшумно проплывает мимо. – Даже в какой-нибудь затрапезной по здешним меркам «Гловерс Глобакс» подобных дорогуших тачек – как муравьев в муравейнике!»

Чудесная машина остановилась рядом с Остином. Тонированное стекло медленно спряталось в дверь, и богатей, высунув голову, сказал:

– Передайте Курту, что я доволен.

Остин открыл было рот для ответа, но стекло уже вернулось на место, и белый «альфа-ромео» пулей вылетел из гаража. Не прошло и пяти секунд, как он шустро влился в поток машин, спешащих в центр.

– Что он тебе сказал? – спросил Джек, подойдя к пожилому соратнику.

– Сказал, чтоб я Курту передал, что он доволен, – бросил Остин, замороженно глядя на уносящуюся вдаль белоснежную красотку. – Ремонт.

– А что у него вообще могло случиться с тачкой? – задумчиво произнес Джек. – По виду – так она новехонькая, ни царапин, ни вмятин...

– Были б деньги, а умельцы найдутся, – фыркнул пожилой. – И вмятины исчезнут, и царапины, и коррозия... А вообще он на ходовую, кажется, жаловался. Курт два дня с ней возился за закрытыми дверями – видно, боялся кузов повредить.

– Дотошный он какой-то, этот Курт, – покачал головой Джек. – Пойдем по кофе, пока людей нет?

– А пойдем.

Спрятав чек для Курта в ящик верстака, механики закрыли его на ключ и отправились к кофейному автомату.

«Альфа-ромео» тем временем на всех порах неся по солнечному Вашингтону, обгоняя не в меру медлительных тихоходов. Кто-то сигналил ему вслед, кто-то даже пытался орать, но мистер Джонсон не обращал внимания на подобных наглецов. С давних пор он усвоил: все, кто позади тебя, не имеют никакого значения, ведь они уже в роли отстающих. А потому концентрироваться следует лишь на тех, кого ты еще не обогнал.

Едва увидел коридор – газ в пол! И снова – сигналият... Но ведь сигналият в спину!

В этой роскошной машине заключена была странная, непонятная банкиру магия: у водителя, сидящего за рулем белоснежной «красотки», невольно возникало страстное желание опередить всех и каждого, кто на свою беду оказался с ним на одной дороге. «Азарт уличного гонщика» – наверное, подобное чувство должно называться как-то так.

Бросив взгляд в зеркало заднего вида, Джонсон увидел, что к нему пристроилась зеленая «акура». Банкир свернул влево, обогнав бирюзовый «ниссан», – «акура» шмыгнула следом. Тогда Джонсон вернулся в правый ряд и усмехнулся, когда водитель зеленого авто повторил его трюк.

– Куда ты лезешь, парень? – пробормотал банкир, сочувственно качая головой. – Тебе ли со мной тягаться?..

Однако он зря иронизировал: «акура», уступающая белоснежному «альфа-ромео» практически по всем параметрам, тем не менее буквально приклеилась к нему. Человек, сидящий за рулем дорогущего «японца», явно был виртуозом вождения.

В другой день Джонсон наверняка поддался бы соблазну проучить этого самоуверенного типа, однако сегодня ему позарез нужно было прибыть в офис не позже десяти. И потому он трусливо включил сигнал поворота и резко ушел вправо, покидая оживленный поток машин. Джонсон успел заметить, как юркая «акура» просвистела мимо и, лавируя между другими авто, унеслась на запад.

«Гляди, какой шустрый!» – отметил банкир не без уважения.

«Альфа-ромео» нырнул в продолговатую тень, отбрасываемую небоскребом корпорации «Джеймисон Групп», и устремился к спуску на подземную парковку. Правда, у шлагбаума пришлось затормозить: он отчего-то не спешил подниматься, хотя Джонсон подъехал практически вплотную.

– В чем дело, Гувер? – с плохо прикрытым недовольством осведомился банкир у пузатого охранника, показавшегося из будки.

– Какие-то неполадки с электроникой, сэр, – виновато улыбаясь, пояснил толстяк.

Подойдя к преграде, он утопил черную кнопку в панель, однако шлагбаум остался на прежнем месте. Тогда, нахмурившись, охранник ухватился за него обеими руками и потянул вверх. Это сработало: раздался звуковой сигнал, и шлагбаум резво поехал вверх – Гувер едва успел убрать руки.

– Уже, стало быть, четвертый раз за два дня, – повернувшись к банкиру, сообщил охранник.

– Ну так вызови электриков! Или ты ждешь, что оно само починится? – саркастически спросил Джонсон.

Гувер лишь неопределенно пожал плечами.

– Давай, займись! – прикрикнул на него банкир. – Хотя, если тебе нравится постоянно выбегать и дергать его вручную...

– Нет, сэр. – Охранник мотнул головой. – Не нравится.

Джонсон закатил глаза и, подняв стекло, утопил педаль газа в пол. Авто пронеслось мимо недотепы-охранника, обдав его потоком раскаленного воздуха. Поправляя растрепавшиеся волосы, Гувер с завистью смотрел уносящейся красоте вслед.

– Зверь-машина... – пробормотал толстяк, машинально запустив руку в карман брюк, дабы убедиться, на месте ли проездной билет.

«Неудачник, – думал банкир, наблюдая в зеркало заднего вида за тем, как охранник, понурившись, бредет в свою крохотную будку. – Интересно, каково это – каждый день ехать на работу в душном вагоне электропоезда, а потом до самого позднего вечера наблюдать, как куда более успешные и талантливые люди проносятся мимо тебя на таких вот автомобилях? Я на его месте, надо думать, давно бы застрелился – от безысходности. Впрочем, уже скоро мистер Уоррен все равно передавит вас, бездарей, сидящих на наших шеях, словно жалких клопов!»

Припарковавшись неподалеку от лифта, Джонсон заглушил мотор.

И в тот же миг шикарный белоснежный «альфа-ромео» вместе с сидящим внутри банкиром просто разорвало на части мощнейшим взрывом.

* * *

2021 г., Сирджан, Иран

Я стою на коленях в луже его крови, смотрю на его бледное лицо. Дождь в Сирджане – довольно редкое явление, но сейчас у неба есть повод для плача: десятки сынов Ирана погибли, унеся за собой жизни двух сотен американских солдат.

Дождь промочил меня до нитки, но я не обращаю на это никакого внимания. Я продолжаю смотреть на Винни, стараясь убедить себя, что он просто притворяется мертвым, а на самом деле жив. Винни любит всевозможные розыгрыши, он вообще веселый чувак...

Не верится, что теперь придется говорить о нем в прошедшем времени.

– Нет, черт возьми, нет... – шепчу я на родном русском. – Меня ты не обдуришь...

Но он очень убедительный в своей нынешней роли мертвеца – лежит, не дышит, не шевелится. Невольно начинаешь задумываться – а может, и вправду не врет, не притворяется? Тогда это хреново, чертовски хреново...

– Серега! Мамонт! – слышу из-за спины.

Оглянувшись, вижу, как ко мне ползет раненый капрал Бронс по прозвищу Банни. Его знаменитые «кроличьи» зубы теперь, наверное, уже не сыщешь среди фарша, в который превратили нашу доблестную роту пулеметы иранцев. Когда мы вернемся в Штаты, он, надо думать, непременно озолотит какого-нибудь ушлого стоматолога, ведь Банни без фирменной улыбки – уже не Банни, так же?

«А мы вернемся?» – усмехается внутренний голос у меня в голове.

– Жив, Крольчатина? – спрашиваю я, нарочито весело улыбаясь.

Однако приободрить его не выходит: напротив, при виде моей лыбы он тут же начинает плакать. Слезы текут по грязным щекам капрала, оставляя белые полосы на коричневом фоне, прямо ко рту, красному от крови.

– Чего ты ноешь? – ору я, стараясь на него не смотреть, – сам ведь едва сдерживаюсь, чтобы не разреветься. – Соберись!

– Гас... Ворон... Торпеда... – шепчет треклятый Бронс, мотая головой из стороны в сторону.

– И Медведь, – мрачно добавляю я.

Медведь – это Винни. По понятным причинам.

– Он... тоже? – упавшим голосом уточняет Банни.

Мне хочется врезать капралу со всей дури, ногой прямо в его перекошенное плачем лицо. Черт, если бы ему уже не выбил зубы кто-то из иранцев, это обязательно сделал бы я – до того он выводит из себя своим надоедливym скулежом.

– Заткнись... – сквозь зубы выдавливаю я. – Без тебя тошно...

Я на всякий случай еще раз проверяю пульс Винни и, снова убедившись, что он не притворяется, наконец-то решаюсь встать. Мои раны еще не ноют, но я понимаю, что вполне могу умереть от потери крови, а потому медленно бреду к лежащему неподалеку вещмешку. Он кажется на удивление... целым. Словно его сбросили сюда с неба уже после окончания боя наши с Крольчатинoй ангелы-хранители. Я наклоняюсь к нему, хватаю за лямку, пытаюсь поднять. Руку пронзает боль – то ли перелом, то ли вывих, пока неясно. Да и наплевать, сказать по правде. Сейчас мне надо чем-то заткнуть лишние дырки в моем теле, если я, конечно, не хочу отправиться на тот свет вслед за остальными парнями.

– Мамонт... – снова зовет меня Банни. – Серега...

– Иду, Крольчатина... – отзываюсь я.

Волоча к нему найденный вещмешок, я озираюсь по сторонам. В душе я по-прежнему верю, что будут еще выжившие, кроме нас двоих. Но реальность не спешит меня радовать.

Трупы, трупы, кругом одни лишь трупы...

В этот момент мне безумно хочется единения с моими погибшими братьями по оружию. В голову закрадывается странная, сумасбродная мысль: «Вот бы сейчас кто-то из иранцев пристрелил нас с Крольчатиной!..» И только треклятый инстинкт самосохранения отдается пульсом в висках и торопит меня к лежащему на пузе Бронсу.

– Что с твоими ногами, старик? – спрашиваю я, усаживаясь на землю рядом с ним.

– Я их не чувствую... – шепчет капрал и закусывает нижнюю губу, чтобы не разрыдаться вновь.

И это, черт побери, совсем неудивительно: ведь его ноги посекло осколками гранаты. Чувствую, как глаза мои начинают блестеть. В худшем случае Банни лишится обеих ног, в лучшем очень скоро отправится на тот свет.

Я нахмурился. Ничего не перепутал? Да нет, все правильно: куда лучше помереть, чем остаток жизни прожить безногим инвалидом.

Но ему ведь я так не скажу?!

И потому я с невозмутимой миной расстегиваю вещмешок и заглядываю внутрь. Там немного снеди, немного бинтов и, словно вишенка на торте, рулончик туалетной бумаги. Флягу хозяин мешка, возможно, носил в кармане или на поясе, по крайней мере, в рюкзаке я ее не наблюдаю. Вытащив бинты, я поддвигаюсь к скулящему Бронсу и рассматриваю его ноги вблизи. Даже мне, далекому от медицины человеку, понятно, что все очень и очень плохо.

Чертыхаясь, я начинаю бинтовать его раны.

Когда я заканчиваю с одной ногой, приходит запоздалое осознание: мы еще живы.

Уже давно не рокочат автоматы иранцев, не лают их пистолеты. Нас с Банни слепой снимет, если захочет, – сидим себе, безмятежные, как на каком-нибудь калифорнийском пляже, – но никто не стреляет, не бежит к нам, скаля зубы или выкрикивая ругательства на местном диалекте. Ощущение, что Сирджан попросту вымер; собрал всех своих жителей, разом бросил их в бой с ненавистным американским агрессором... и проиграл.

«Все на красное».

Да, уж красного вокруг нас с Бронсом хватает.

– Ничего, Крольчатина... – шепчу я. – Ты у меня еще станешь олимпийским чемпионом в стометровке...

– Не травми душу, Мамонт, – качает головой Банни, не в силах, однако, сдержать слез благодарности.

Мы оба знаем, что его деньки сочтены.

Но говорить об этом как-то не хочется.

* * *

2031 г., Эль-Бурган, Кувейт

Я открыл глаза и уставился в грязный потолок. Простыня подо мной была мокрой от пота, дышал я тяжело и часто, будто только что вынырнул с глубины.

Воспоминания о Сирджанской Мясорубке преследовали меня с того самого дня, как я обнаружил убитого друга Винни, который лежал в луже собственной крови посреди улицы этого проклятого городка. Память – мой враг и союзник. Стоит воспоминаниям немного поблекнуть, и она следующей же ночью заставляет заново пережить этот кошмар. После таких снов я не сплю по три дня – боюсь, что, едва закрою веки, снова увижу заваленную телами улочку и ползущего ко мне капрала Банни.

Но, несмотря на этот ужас, я одновременно благодарен памяти за то, что до сих пор помню всех виновных в той бессмысленной, глупой бойне.

Будьте вы прокляты, мрази.

Поднявшись с кровати, я отправился в ванную комнату, где умылся и хлебнул воды прямо с крана (паршивая, но мне не привыкать). Когда я поднял голову и наткнулся взглядом на собственное отражение, захотелось плюнуть себе в лицо. Что это? Игры разума? Дурацкая привычка искать изъяны прежде всего в себе самом? Джон Тейлор, вероятно, прямо сейчас пасет коров на своем ранчо в Аризоне. Возможно, он даже напевает под нос любимую песенку и ждет вестей из Эль-Бургана. Что для него этот город? Готов спорить, он знает лишь, что здесь есть нефть и что Синдикат тоже хочет завладеть этим местом. Как это по-американски: вторгаться куда-то, прикрывая свое желание нажиться благими намерениями!.. И никого не волнует, что местные жители совершенно не рады вооруженным солдафонам, которые безжалостно разрушают дома и убивают друг друга, дабы водрузить флаг своей коалиции на вершину крупнейшей нефтяной вышки.

И я – один из этих «солдафонов». Ничем не лучше, а, пожалуй, даже и хуже – ведь я, в отличие от них, сначала воевал за одних, а теперь за других. Вежливо таких людей называют наемниками, грубо – проститутками.

Я вернулся в комнату, плюхнулся на кровать. Увы, сон не шел. И дело было не в том, что я снял самую дешевую комнату в самом дешевом мотеле, а от матраса воняло пивом и мочой: при необходимости я мог спать на голой земле. Проблема заключалась в том, что стоило мне смежить веки, и я снова видел Сирджан и лицо убитых Винни и Крола. Когда же открывал глаза, не мог не думать о Джоне Тейлоре. Ирония заключалась в том, что я не был за Синдикат – я всего лишь был не за Легион. Но в наши дни именно это желание быть не за кого-то конкретного привлекает к тебе куда больше внимания, чем банальная солидарность с одной

из сторон.

Жук вышел на меня месяц назад. Тогда я еще не знал, когда и под каким соусом подам мою месть: Джон Тейлор был недоступен, да и убить легендарного старика у меня бы рука не поднялась. И Жук поначалу тоже не смог спровоцировать меня на решительные действия...

А потом я пришел домой, открыл почтовый клиент и обнаружил там письмо от связного с пометкой «Секрет». К сообщению были прикреплены три фотографии с симпатичной блондинкой. На первом снимке девушка обедала в закусочной, на втором выбиралась из машины, припаркованной у бутика, а на третьем нежилась в кровати, натянув одеяло до подбородка и «забыв» выключить ночник.

Она всегда «забывала» об этом, ибо с детства боялась засыпать в темноте.

Помню, я пролистывал эти фотографии снова и снова. Когда я делал это впервые, сердце мое сжалось в комок, а во рту пересохло. Она покрасила волосы, а на втором снимке у нее были темные очки, но я узнал бы ее из миллионов других девушек, даже если бы над ней полгода колдовали пластические хирурги, – ведь привычки человека куда сложнее изменить, чем его внешность.

Моя сводная сестра Джулия. На пять лет младше, в сто раз порядочнее, и я говорю так не просто на правах любящего брата – я действительно знаю, о чем толкую, ведь мы выросли с ней бок о бок. Притом Джулия еще и очень сильная, несгибаемая: если мать мы хоронили всем скопом, еще будучи детьми, то провожать отца ей пришлось в одиночку, ведь к тому времени я уже стал ликвидатором Легиона и приложил все усилия, чтобы никто никогда не смог связать меня с последним членом моей семьи. Когда ты специализируешься на убийстве людей, твое прошлое висит над тобой, словно мифический Дамоклов меч. Любая привязанность лишает тебя маневра. Именно поэтому я осознанно вычеркнул Джулию из жизни, решив, что так она будет в безопасности, а меня никто не сможет шантажировать.

И вот, спустя два дня, я снова смотрел на эти снимки и думал: черт побери, да как этот говнюк вообще умудрился ее найти? О том, что Сергей Мамонтов и Джулия Милтон – родственники, знал только я один, сестра же считала, что я

погиб в Иране. Жестоко, но иначе было нельзя: то, во что посвящены двое, известно всем, и потому я был единственным хранителем нашего секрета... до того, как на меня вышел Жук и его треклятый шеф Гарри Гопкинс.

Правда, напрямик сказать мне, что моя сестра у них на мушке, связному не хватило духу – ведь я, разозлившись, мог свернуть ему шею прямо на месте. Нет, он поступил хитрее и коварнее: прислал мне письмо, уже растворившись в воздухе, и потребовал убить Харриса. А когда я сделал это для него, отправил меня спасать капитана Грина.

Я зажмурился и потер двумя пальцами переносицу.

И как работать с таким грузом на плечах?..

Я не жалел о том, что предал Тейлора. В конце концов, я давно собирался разорвать нашу связь и выйти из дела. Заказ Гопкинса показался мне не идеальным, но вполне уместным решением, чтобы удовлетворить мою жажду мести и, одновременно, спасти сестру.

Мы с Джулией не виделись более десяти лет. Последняя встреча состоялась аккуратно накануне вылета в Иран. Помню, она пыталась отговорить меня, упирала на то, что я последняя родная душа у нее на всем белом свете... но я был ослеплен желанием воевать под началом легендарного генерала Тейлора и мечтал самолично поучаствовать в «казни экстремистского государства», коим в те дни именовали Иран все без исключения (кроме, разве что, самих иранцев). Кто знает, как сложилась бы моя жизнь, если бы я не заболел армией, если бы остался на гражданке и нашел для себя занятие куда более безобидное, чем стрельба по живым мишеням? Моя сестра вряд ли была бы сейчас в смертельной опасности, а сам бы я совершенно точно не стал марионеткой в руках некоего влиятельного типа, который, судя по всему, готов на любую подлость, лишь бы я помог треклятому Синдикату выдворить Легион из Эль-Бургана.

Я отшвырнул телефон в сторону, и он, плюхнувшись на пол, укатился к чулану. Закинув руки за голову, я уставился в потолок.

Мне нужно выбросить из головы Сирджан и Тейлора. Нужно забыть, что сестра в опасности, и сосредоточиться на успешном выполнении задания. Убедить себя, что этот заказ ничем не отличается от десятка предыдущих, иначе нервяк

приведет в могилу и меня, и Джулию.

Итак, что мы имеем?

Я сполз с кровати и подхватил с пола отброшенный мобильник. Скрепя сердце, закрыл старое письмо со снимками Джулии и развернул сегодняшнее, с инструкциями к текущей миссии. Снова пробежал текст глазами. Если информация в письме достоверна, Грин должен находиться в Эль-Вафре – городе в ста километрах к югу от Эль-Бургана, куда после вторжения Синдиката прихвостни Тейлора свозят пленных, раненых и беженцев. Как попасть туда человеку пришлому, вроде меня, беглого дезертира, я пока что придумать не мог.

Ну не сдаваться же мне в плен, в самом деле?..

За обдумыванием грядущей операции я в итоге и заснул.

Плевков на зеркале в ванной к тому времени, наверное, уже высох.

* * *

2031 г., Вашингтон, США

– Ну, он подъехал, а шлагбаум не открылся, – вещал Гувер, глядя на офицера полиции с электронной записной книжкой в руках. – Ну я и потянул его вверх, чтобы, значит, мистер Джонсон мог проехать. И сработало...

На подземной парковке «Джеймисон Груп» хватало людей. Были тут и полицейские, и «скорая», и, разумеется, сотрудники корпорации, которые столпились возле заградительной ленты и, щурясь, пытались отыскать взглядами все части тела почившего водителя. Даже многоопытный детектив Ларри Тернер, который немало повидал за годы службы в местном управлении, невольно занялся этим странным, но до жути любопытным анатомическим пазлом.

Вот его правая. А это... кажется, левая. Ну а там у нас что, рядом с тучным мистером с пышными бакенбардами, не ухо ли? Отсюда и не разглядишь...

– Детектив, сэр!

Голос офицера отвлек Тернера от увлекательной игры. Он с неохотой оторвал взгляд от предполагаемого уха и повернулся к вновь прибывшему.

– Я допросил охранника, который обычно дежурит у въезда на парковку. – Офицер махнул записной книжкой в сторону Гувера, который с грустной миной прогуливался вдоль шлагбаума. – Говорит, этого погибшего сотрудника звали Аарон Джонсон. По словам охранника, он приехал на парковку около десяти, шлагбаум заело, и охранник вышел, чтобы открыть его вручную. Затем машина мистера Джонсона – белый «альфа-ромео» модели «тридцать два с» – заехала на парковку, остановилась на двадцать пятом месте ряда «А»... и взорвалась.

– Больше ничего интересного? – выгнул бровь Тернер.

– Увы, нет, сэр.

– Ты зря связался с этим шарообразным типом, – заметил детектив, кивнув в сторону Гувера. – Лучше пообщайся с кем-то из коллег этого... Аарона. Уверен, они знают куда больше обычного охранника.

– Я как раз собирался этим заняться, сэр. Просто нас вызвал именно охранник, он был единственным свидетелем взрыва.

– Я понял. – Ларри почесал щетинистый подбородок. – Ну, дерзай. Пройдись по коллегам этого типа. Как что узнаешь, сразу сообщай мне.

Офицер кивнул и устремился к сборищу «белых воротничков». Детектив проводил полицейского рассеянным взглядом и, развернувшись на каблуках туфель, неспешно побрел к обгоревшему кузову автомобиля.

Несмотря на солидный стаж, ничего подобного Тернер прежде не видел. Выгорело все, что только может гореть. По сути, от машины-то и остался один кузов да четыре оплавленных овала, некогда бывших дисками колес. Судя по

характерным звукам, кого-то из зевак все-таки стошнило; Ларри улыбнулся самыми уголками рта, вспомнив свои первые дни в отделе убийств.

Вой сирен отвлек детектива от созерцания раскуроченного «альфа-ромео». Повернувшись на звук, он увидел, как на парковку въезжают один за другим два черных «доджа». Ларри нахмурился. Он уже знал, кто сидит внутри.

«Доджи» остановилась чуть в сторонке от места происшествия. Двери их открылись практически синхронно, и наружу показались...

«Клоны».

Да, пожалуй, их можно было так назвать – несмотря на различия в цвете волос, вновь прибывшие походили друг на друга, как братья: подтянутые, среднего роста, даже, скорее, высокие, гладко выбритые, в темных очках, черных костюмах-тройках и черных же туфлях. Ларри невольно вспомнил древний фильм «Матрица»; сотрудники ФБР всегда напоминали ему двойников агента Смита. Благо хотя бы двигались эти типы не синхронно, иначе Тернер бы определенно сошел с ума. Глядя, как «клоны» подныривают под заградительную ленту, как, выпрямившись, оправляют наряды и быстрым шагом приближаются к месту трагедии, он думал, что его участие в расследовании заканчивается, даже не успев толком начаться. Смешно, но слово «взрыв» в рапорте автоматически переводит дело в юрисдикцию «федералов» – будь то «взрыв торгового центра» или «взрыв фейерверка».

Впрочем, сегодняшний инцидент вряд ли можно было счесть несчастным случаем: без солидного количества пластида тут явно не обошлось.

– Здравствуйте, сэр, – сдвинув очки на лоб, поздоровался с детективом один из агентов. – С кем имею честь?

Глаза у него были небесно-голубого цвета, будто у героя очередного романтического фильма для подростков.

«Наверное, это их главный!» – решил полицейский, а вслух сказал:

– Детектив Ларри Тернер, убойный. И вам не хворать. Чем обязан, агент...

– Паттерсон. – Вновь прибывший постучал указательным пальцем по бейджу на груди и продемонстрировал Ларри удостоверение с позолоченной бляхой и заветной аббревиатурой. – Стэн Паттерсон, ФБР.

– Так что привело вас сюда, агент Паттерсон? – перефразировал вопрос детектив. – Неужели вы думаете, что это теракт?

– Да, именно так. – Уперев руки в боки, «федерал» повернулся к обгоревшему кузову. – Или, по-вашему, это мелкое хулиганство?

– Какие версии? Кто в этом замешан? Иранские экстремисты? – не в силах сдержать рвущийся наружу сарказм, поинтересовался Ларри.

Взгляд, которым его удостоил агент Паттерсон, казалось, мог обращать в пыль горы.

– На дворе две тысячи тридцать первый год, – презрительно процедил «федерал». – Кроме проблем стран третьего мира, у нас хватает агрессоров и внутри государства.

– Вы о ком?

– Убитый был банкиром, – принялся загибать пальцы «федерал». – Работал на одну из крупнейших столичных корпораций. Вдобавок ему благоволил сам Эдвард Уоррен. В одном из интервью, помнится, он называл Джонсона «гениальным финансистом». Соответственно, убийство можно рассматривать как теракт против Синдиката. А кто у нас терпеть не может мистера Уоррена и его детище?

– Вы что же, намекаете, что Джонсона подорвали люди Тейлора? – недоверчиво спросил детектив. – Не слишком ли для них... нетипично? В столице, на парковке одной из крупнейших корпораций...

– А вы так хорошо знаете, что на уме у лидера Легиона? – «Федерал» в упор посмотрел на собеседника. – Общеизвестно, что Джон Тейлор – крайне неуравновешенный субъект. В пользу этого говорит хотя бы его отстранение от командования прямо по ходу Иранской кампании, которую он начинал в статусе

генерала ВВС.

– Там не все было так однозначно, – возразил детектив. – Правительству просто не понравились его методы...

– Вот именно – методы, – перебил его Паттерсон. – Слишком много необоснованной жестокости. Сколько солдат полегло? А колоссальные потери среди мирного населения? Был ли еще подобный прецедент в истории? И что же, по-вашему, этот человек не способен организовать взрыв в столице? Да он не побоялся стать настоящим мясником на глазах у всего мира. А это для него... – «Федерал» махнул рукой в сторону обгоревшего кузова. – Так, пустяк.

Детектив счел за лучшее промолчать. Паттерсон был явно из той породы людей, которые признают только одну точку зрения – свою собственную. Тех же, кто придерживается иного мнения, они готовы с пеной у рта переубеждать сутки напролет. А Ларри был слишком ленив, чтобы ввязываться в подобную перепалку, – тем более что беседовали они не за кружечкой пива в баре, а возле взорванного автомобиля и его водителя, конечности которого санитары разложат по трем пакетам, чтобы доставить покойного в морг.

– Детектив, сэр! – услышал Тернер знакомый голос офицера.

Обернувшись, он увидел, что полицейский со всех ног спешит к нему. Скосив глаза в сторону «федерала», который тоже повернулся на голос, детектив произнес:

– Узнал что-то?

– Да, сэр.

– Ну, выкладывай. Это, кстати, агент Паттерсон, ФБР. – Тернер кивком указал на «федерала». – Они забирают дело, поскольку считают, что это теракт.

– Теракт? – выгнул бровь полицейский.

– Просто примите это как должное, офицер. – В голосе Паттерсона послышались стальные нотки. – У меня нет времени объяснять всем и каждому, почему любой

взрыв в столице потенциально является терактом. А теперь сообщите мне, что вам удалось выяснить?

– Ну... – Полицейский покосился на Тернера, и тот с обреченным видом кивнул: мол, говори уже, не тяни. – Его секретарша, мисс Лейк, упомянула, что погибший должен был с утра забрать свою машину из автомастерской. Вроде как, три дня назад у него что-то там поломалось – это я мисс Лейк цитирую, – на всякий случай уточнил офицер, – и он ее там оставил на диагностику, а потом и на ремонт.

Детектив и агент Паттерсон переглянулись.

– Что говорят эксперты насчет взрыва? – спросил «федерал». – Они уже исключили внешнее воздействие?

– Да, судя по всему, бомба находилась в салоне автомобиля, – кивнул детектив.

– Ладно, хорошо, – кивнул агент Паттерсон, задумчиво покусывая губу. – Теперь это наша головная боль. Офицер!

– Да, сэр? – отозвался полицейский.

– Эта секретарша, мисс... неважно. Она, случайно, не упомянула, в какую мастерскую обращался мистер Джонсон?

– Да, у нее в ежедневнике была пометка по этому поводу. – Офицер разблокировал экран записной книжки и, прищурившись, прочел:

– Угол Девятнадцатой и Мэрилэнд-авеню... миль двадцать к северо-востоку отсюда.

– Отличная работа, офицер, – поблагодарил юнца Паттерсон. – Детектив.

Он кивнул Тернеру и, моментально забыв о полицейских, направился к своим собратьям-«клонам», которые ошивались возле останков «альфа-ромео».

– Неужели мы так просто уедем, сэр? – вскинув брови, спросил офицер.

Детектив смерил его завистливым взглядом – сам был таким поначалу, все время рвался в бой – и сказал:

– Ну а что мы можем поделаться? Эти ребята специализируются на взрывах, я их в подобных местах встречаю чаще, чем саперов. Поехали в управление. Мы свою работу сделали.

– Обидно, – заметил офицер.

– Ты просто еще слишком молод, – усмехнулся Ларри. – Не понимаешь, что чем меньше забот, тем лучше.

Подойдя к заградительной ленте, он задрал ее вверх и махнул рукой:

– Давай, помчали.

Офицер с тоской оглянулся на агентов ФБР, облепивших место преступления, словно пчелы соты. Вздохнул горестно, но спорить не стал. Пропустив юнца вперед, Ларри последовал за ним, на ходу опправляя растрепавшуюся куртку.

Уже подойдя к автомобилю и взявшись за дверную ручку, он снова обернулся к месту преступления.

«Неужели Легион действительно имеет отношение к этому взрыву?» – наблюдая за перемещениями агентов, невольно задался вопросом он.

Если люди Тейлора действительно причастны к взрыву, это вполне можно считать полноценным объявлением войны. Соперничество легендарного генерала и Эдварда Уоррена, лидера частной армии Синдиката, в странах третьего мира давно стало общеизвестным фактом, но правительство США закрывало на это глаза. Однако новая гражданская война Штатам была не нужна, и потому Ларри не сомневался: если «федералам» удастся доказать причастность Тейлора к случившемуся на подземной парковке, государство открыто поддержит мистера Уоррена и поможет ей в кратчайшие сроки стереть с лица Земли армию Легиона.

Правда, сама мысль о подобном развитии событий вызывала у Тернера неподдельную грусть.

Ведь втайне он симпатизировал не «защитнику банкиров», а прямому, как палка, Тейлору – старому вояке, у которого слова не расходятся с делом.

* * *

– Гляди-ка, еще один... – пробормотал Остин, глядя, как из черного «доджа» выбирается мужчина в черном деловом костюме.

Вытерев руки замызганной тряпкой, он швырнул ее на колченогий табурет у стены и шагнул навстречу незнакомцу.

– Чем могу... – начал было пожилой автомеханик, однако мигом умолк, едва мужчина продемонстрировал ему удостоверение агента ФБР.

«Федерал? – мелькнуло в седой голове. – Им-то тут что понадобилось?»

Он оглянулся назад, ища взглядом Джека, однако тот, видимо, свалил на обед, предоставив Остину возможность самолично заняться карбюратором старенького «опеля».

– Агент Паттерсон, ФБР, – представился нежданный гость. Его изучающий взгляд скользил по механике вверх-вниз, что немало нервировало старика.

– Остин Краст, – пробормотал он. – Чем... чем могу помочь, агент Паттерсон?

Почему-то, даже не имея за душой особых прегрешений, человек все равно начинает копаться в свалке памяти, когда перед ним вырастает такой вот мрачный и строгий тип с позолоченной бляхой. Полицейские в автосервис заходили довольно часто – как правило, они разыскивали тачки, свалившие с места аварии до приезда патрульной машины. Это работало: только при Остине подобных безответственных гадов находили уже четырежды. Но «федералы»... Этих-то каким ветром сюда занесло?

– Мне известно, что сегодня утром из вашего сервиса забирали белоснежный «альфа-ромео», – сказал агент Паттерсон, продолжая рассматривать стоящего перед ним механика.

– Да, это так, – кивнул Остин. – А она, стало быть... в угоне числилась?

– Не имею ни малейшего представления, – признался «федерал».

– Если вы хотите знать, куда она поехала, так это вопрос не по адресу. Мы ключи отдали мужику, который за ней приехал, он ремонт оплатил в кассе, все законно...

– Куда она поехала, я и так знаю. Меня интересует, кто ею занимался?

Вопрос немного удивил Остина.

– А что, с ней что-то... не так? – осторожно спросил он.

– Так это вы ее ремонтировали? – нахмурился агент Паттерсон.

– Нет, не я, – поспешно выпалил Остин. – Курт ее курочил... но я просто не понимаю...

Паттерсон запустил руку в карман, и механик буквально оцепенел на пару мгновений, ожидая увидеть пистолет. Но «федерал» вытащил наружу самый обыкновенный диктофон и, поднеся его к губам, произнес:

– Курт... А фамилия у этого Курта имеется?

– Шервуд, стало быть, – припомнил автомеханик.

– Курт Шервуд, – продиктовал Паттерсон. – Автомеханик. Он сейчас здесь?

– Нет, он больным сказался, потому сегодня не вышел.

– Ну, конечно... Я бы на его месте тоже заболел! – недобро ухмыльнулся агент. – Где я могу найти адрес этого вашего Курта Шервуда?

– Это вам в кассу надо обратиться, я думаю. Мы с Куртом не особо близки, знаете ли, он тут всего недели три работает...

– А вы, Остин? – Снова этот треклятый пристальный взгляд, от которого по коже мурашки!..

– А что я? – хрипло уточнил автомеханик и закашлялся.

– Вы давно тут работаете?

– Да с год где-то. Может, чуть больше.

– Стало быть, тоже не старожил?

– Ну, нет... наверное. Автомеханик – он постоянно в поиске. Там поработаешь, сям поработаешь...

– Можете продиктовать номер вашего мобильного и адрес? – попросил Паттерсон и вытянул руку с диктофоном так, что микрофон оказался на уровне Остинского рта.

Механик вздрогнул, но подчинился.

– Хорошо, – удовлетворенно кивнул агент Паттерсон. – Покажете, где касса?

– Да... Да, конечно, пойдемте. – Остин спешно устремился к углу здания, обрадованный возможностью наконец сбавить надоедливую «федерала».

Во что же, интересно, вляпался Курт, думал старик, спиной продолжая ощущать подозрительный взгляд гостя. Наверняка, во что-то крайне серьезное, раз по его душу приехали из самого федерального бюро.

– Ну вот, стало быть, сюда вам, – указав на окошко, сказал Остин. – Там девушка, зовут Мелисса. Она вам все расскажет.

– Благодарю, – кивнул агент.

Когда он уже подходил к окошку, Остин не сдержался.

– Так, а почему вы, стало быть, Курта разыскиваете? – облизав пересохшие губы, спросил он.

Агент Паттерсон оглянулся на него и внимательно посмотрел прямо в глаза.

– Потому что «альфа-ромео», который он чинил, взорвался, – ответил «федерал» после небольшой паузы, – причем вместе с сидящим внутри владельцем. И, мне кажется, это не просто трагическая случайность.

Сказав это, Паттерсон отвернулся к окошку, а Остин так и остался стоять с открытым ртом. Только огромным усилием воли он заставил себя вернуться в гараж. Уже там старый механик почувствовал небывалую усталость и без сил опустился на колченогий табурет. По счастью, на пол он не сверзился, хотя и мог, запросто. Впрочем, даже падение не отвлекло бы его от мрачных мыслей.

«Пожалуй, пора на пенсию, – подумал Остин, глядя на «опель» с открытым капотом. – Слишком я стар для всего этого дерьма!»

* * *

Сидя на балконе в удобном кресле, Джон Тейлор курил сигару и смотрел на экран ноутбука, стоящего на столе перед ним. Странно, но Ричард не спешил выходить на связь. Возможно, конечно, сейчас ему было просто не до этого: Тейлор не понаслышке знал, как стремительно может измениться ситуация в зоне боевых действий. Только что ты контролируешь южную часть города, стоишь с чашкой кофе у окна и обдумываешь грядущее наступление, а уже в следующий миг тебя накрывает свинцовым дождем. И хорошо, если в ход идет один только свинец...

Джон безумно хотел оказаться рядом со своими людьми, разделить с ними все тяготы и лишения, но он был уже слишком стар для подобных вылазок. Куда больше пользы генерал мог принести, руководя действиями войск с безопасного расстояния (допустим, как сейчас, – с ранчо в Аризоне). Однако убедить в этом легенду трех Афганских кампаний оказалось не так-то просто: ветеран рвался на поле боя, стремясь доказать всем и каждому, что он «вовсе не тыловая крыса» и что «в пороховницах еще предостаточно пороху». Только незаурядные дипломатические способности Ричарда Уайлдера и прочих членов командования помогли отговорить Тейлора от визита в Кувейт. Впрочем, даже находясь в Аризоне, генерал, по сути, влиял на каждое тактическое решение своих войск.

Но сегодня что-то пошло не так: уже шестая кряду попытка дозвона закончилась ничем. Джон Тейлор с безучастным видом жевал сигару, размышляя, предпринять ли седьмую попытку дозвона или все же подождать, пока Уайлдер сам выйдет на связь? По счастью, Ричард избавил генерала от сомнений: на экране появилась надпись «Вас вызывает абонент Ричард Э-Б». Тейлор опустил сигару в пепельницу и, облокотившись на столешницу, щелкнул пальцем по зеленому значку в форме телефонной трубки.

– Генерал, сэр! – воскликнула появившаяся на экране физиономия полковника. Она показалась Тейлору куда более красной, чем обычно, хотя, возможно, дело было в сбившихся настройках контрастности и цвета.

– Приветствую тебя, Дик, – сказал Тейлор. – Что-то случилось? Ты долго не отвечал.

– Случилось многое, сэр, – облизав губы, проронил Уайлдер. – Только ничего хорошего, увы.

– Докладывай обстановку, – откинувшись на спинку кресла, сказал генерал.

Ричард откашлялся и произнес:

– Самая главная новость на данный момент: Синдикат начал новое наступление. Они теснят нас к южной границе Эль-Бургана и делают это крайне быстро и эффективно. Мы огрызаемся, но постепенно сдаем позиции.

– Твое мнение, Дик? – Генерал пристально посмотрел на собеседника голубыми глазами. Из-за коронного прищура его взгляд мог показаться саркастическим, даже надменным, но на самом деле это было всего лишь следствием жизни на «Диком Западе» с его пыльными суховеями и раскаленным жарким воздухом. – Судя по тому, что ты рассказал, город отстоять не удастся?

Уайлдер закусил губу и покачал головой.

– Мне кажется, в нынешней ситуации нам это не по силам, – сказал он. – Наши силы рассредоточены, ведь, помимо Эль-Бургана, есть еще Эль-Вафра, куда мы периодически вывозим людей...

– Я считаю, мы должны сопротивляться до последнего, – веско произнес Тейлор. – Пусть город они отберут, но их потери должны быть максимальными, иначе одним Эль-Бурганом Эдвард не удовлетворится. Appetit-то приходит во время еды, а у Уоррена он и без того гигантский...

– Мы ни в коем случае не собираемся отдавать город без боя, сэр, – кивнул Ричард. – Можете не сомневаться.

– А что же Мамонт? – спросил генерал, перебирая пальцами рук по столешнице. – Вышел на связь?

– А Мамонт, увы, это еще одна проблема, сэр.

– Вот как? – выгнул бровь генерал. – Его что же, взяли в плен? Или, того хуже, убили?

– Лучше б уж убили, сэр, – пожевав нижнюю губу, нехотя признался Уайлдер.

– Поясни, Пат.

– На связь он так и не вышел, но это не главная беда. Буквально два часа назад я получил информацию от одного из наших осведомителей, что подполковник Огден жив-здоров, а вот майор Харрис погиб, и при его смерти присутствовал некий капитан, имени которого никто не знает...

– Мамонт... – пробормотал генерал, рассеянно глядя сквозь экран.

– Похоже на то, сэр.

– Продался, значит... – Желваки на лице Тейлора заходили ходуном, что случилось не так часто – лишь когда генерал был вне себя от гнева. – Что ж, ладно. Не знаю, что стало причиной, да и неважно это теперь. Главное, что мы не можем подарить такого опытного ликвидатора Синдикату. Согласен, Пат?

– Я-то согласен, сэр. Но он ведь профи, настоящий призрак во плоти. Кто сможет его разыскать?

– Другой призрак, – задумчиво проронил Тейлор.

Ричард нахмурился, явно не понимая, куда клонит Джон. Прошло секунд двадцать, не меньше, прежде чем до него дошло, о ком идет речь.

– Гэб? – одними губами произнес полковник.

– Именно, Дик.

– То есть, вы хотите...

– Да, Дик.

– Но, сэр... не слишком ли... поспешно?

– А ты что предлагаешь? Сидеть и ждать, когда он придет с повинной, и провести с ним воспитательную беседу? – хмыкнул Тейлор. – Предавший раз предаст снова, Дик. Это война. Дезертиров казнят, невзирая на былые заслуги.

Полковник кивнул, хотя по выражению лица видно было, что ему подобный расклад совершенно не нравится.

– Я сам отправлю ему весточку, – добавил генерал. – Так что не забивай себе голову, думай о том, как потрепать Синдикат. А Мамонт... Теперь это проблема

Гэба.

Ричард шумно сглотнул набежавший в горле ком.

В Кувейте, и без того добела раскаленном боями за каждый квадратный метр, обещало стать еще жарче.

* * *

– Ты-то что тут забыл в конце рабочего дня? – проворчал Тернер себе под нос, глядя, как из лифта выходит достопамятный агент Паттерсон с черной папкой под мышкой.

Ларри до последнего надеялся, что «федерал» прибыл не по его душу, однако тот, поймав взгляд детектива, приветливо ему улыбнулся и ускорил шаг, чем окончательно развеял все сомнения.

– Доброе утро, детектив, – поздоровался Паттерсон, подойдя к столу Тернера.

– Доброе. – Ларри указал на свободный стул. – Присядете?

– Нет, мы... – Паттерсон огляделся по сторонам, будто боялся, что их могут подслушать. – Мы могли бы побеседовать с глазу на глаз?

– Я... – Тернер слегка растерялся. – А почему нельзя поговорить прямо здесь? Тут, вроде как, мое рабочее место...

– Я настаиваю, детектив, – с нажимом произнес агент Харрис.

– Ну что ж, если настаиваете...

Ларри нехотя поднялся из-за стола и, мотнув головой в сторону комнаты отдыха, первым устремился к двери.

Убедившись, что, кроме Тернера, никто в допросную не сунулся, «федерал» бросил папку на стол со словами:

– Взгляните-ка. Мне требуется ваше мнение.

– Что там? – буркнул Тернер, подходя и открывая папку.

– Увидите. – Агент замер у окна – руки в карманах, глаза прищурены, лоб прорекает длинная горизонтальная морщина.

С первого листа на Тернера взирал незнакомый мужчина. Детектив пробежал лист глазами. Это было досье некоего Курта Шервуда, инженера-биолога по образованию, который погиб в аварии полгода назад.

– И кто он такой? – спросил Ларри, покосившись на «федерала».

– Если данные верны, то это – наш убийца, – прочистив горло, отозвался агент Паттерсон.

Тернер еще раз перечитал последние строчки – «погиб в аварии 17.12.2030 года».

– Но тут ведь сказано... – начал было Ларри, но «федерал» перебил его:

– Я знаю, что там сказано. Именно поэтому я здесь. Уберите досье в сторону и посмотрите следующий лист.

Это оказалась личная карточка из автосервиса. Еще один «Курт Шервуд», вот только на фото – совершенно другой человек.

– Дата рождения идентична, – заметил Тернер, скользя взглядом по тексту.

– Угу. Такое ощущение, что кто-то хочет, чтобы мы подняли дело настоящего Курта Шервуда... вот только зачем?

– Постойте секунду, – попросил Ларри. – Я ведь, если вы забыли, с вами в автосервис не ездил. С чего вы вообще взяли, что нашего убийцу зовут Курт Шервуд?

– С того, что именно этот парень, – «федерал» шагнул к столу и ткнул пальцем в карточку «фальшивого» Шервуда, – занимался машиной погибшего банкира. А теперь уберите оба досье в сторону и взгляните на следующий лист.

И снова Тернер не спорил. Под личной карточкой автомеханика обнаружилась распечатка статьи с весьма авторитетного новостного ресурса. Заголовок при этом был на удивление идиотский: «Инженер-лихач». Продолжив чтение, Ларри с удивлением обнаружил, что безработный биолог Шервуд погиб, столкнувшись как раз с машиной мистера Джонсона. Причем, если верить автору (и Джонсону), виновен во всем был сам почивший Шервуд.

– Что скажете? – спросил «федерал», когда Тернер медленно вернул распечатку на стол.

– Скажу, что автор статьи – большой поклонник Эдварда Уоррена и его друзей.

– Именно. «Все беды от безработных», – процитировав духовного лидера Синдиката, кивнул агент. – Причем Джонсон не потерял ни цента – согласно заключению дорожной автоинспекции, вина целиком и полностью лежала на Шервуде.

– Хотел бы я побывать на месте той аварии... – мрачно протянул детектив.

– Прекрасно вас понимаю. Но сейчас мы говорим о взрыве, инициатором которого, если я верно все понимаю, выступил некто, задавшийся целью отомстить за погибшего биолога Шервуда.

– Мне кажется, вы все верно понимаете, – согласился Тернер. – Вот только я никак не пойму, почему вы пришли с этим ко мне?

– Все очень просто, детектив, – грустно улыбнулся Паттерсон. – Теперь, когда нам известно, что политическая подоплека у данного взрыва отсутствует, бюро попросило меня передать дело обратно в полицейское управление. – Он кивнул в сторону лежащих на столе материалов. – То есть, видимо, конкретно вам.

– И что же мне теперь со всем этим делать? – озадаченно пробормотал детектив. – Поднять дело настоящего Шервуда и попытаться доказать его

невиновность?

– Не думаю, что вам дадут развернуться в этом направлении, увы. Поэтому советую сосредоточиться на поимке нашего «подрывника», – пожал плечами агент. – Правда, не думаю, что из этого что-то выйдет. Мы, конечно, объявили его в федеральный розыск, но, если он такой мастер перевоплощения, перехватить его удастся вряд ли.

– И как прикажете его искать? Даже несмотря на кучу совпадений, он вряд ли живет в той же квартире, что и покойный инженер.

– Я бы на вашем месте первым делом запросил данные с уличных камер. Думаю, за те недели, что убийца проработал в сервисе, он волей-неволей засветился.

– Это же уйма материала!..

– Вы правы, – кивнул агент Паттерсон. – Времени на это уйдет порядком. Но других ниточек у нас, к сожалению, нет. Совпадения в базе отсутствуют: парень явно прятался за гримом.

Детектив с мрачным видом кивнул и спросил:

– Мое начальство, надо полагать, уже в курсе, что вы снова повесили все это на меня?

– Да, мне велели позвонить вашему боссу еще утром.

– Вы так любезны... – пробормотал Тернер без малейшего намека на благодарность.

Ему совсем не улыбалось задерживать допоздна для просмотра видео с уличных камер, ведь сегодня по телеку должны были показать первый матч финала НБА, который детектив с нетерпением ждал полторы недели. Однако нынешнему шефу полиции, увы, было наплевать на спорт. Звали его Рональд Барнс, и был он тощим, седовласым занудой, у которого странностей было больше, чем звезд на американском флаге.

Подхватив папку с материалами, Тернер пошел к выходу из комнаты. Вместе с Паттерсоном они дошли до лифтов, и агент нажал кнопку «вниз».

– А почему вы хотели поговорить наедине? – спросил Тернер.

– Потому что это дело слишком непростое, детектив. Мое начальство сделало вид, что никакого отношения к политике оно не имеет, но на самом деле, думаю, вы, как и я, понимаете, что это не так.

– Вы об Эдварде? – тихо уточнил Ларри.

– И не только. – «Федерал» воровато огляделся по сторонам и, склонившись к уху детектива, прошептал:

– То, что банкиру все сошло с рук, – это полбеды. Куда как хуже, что объявился... мститель. Опять же, если мы имеем дело с родственником погибшего Шервуда, это не вызовет такого уж резонанса. Но если выяснится, что в происходящем замешан Джон Тейлор или его ближний круг... вот тогда у нас в городе такое веселье начнется!..

Металлические створки разъехались в стороны, и агент Паттерсон шагнул в кабину.

– Если быть откровенным, больше всего я сожалею об одном, – вновь повернувшись к детективу лицом, с грустной улыбкой произнес «федерал».

– О чем же?

Улыбка «федерала» стала еще шире и горче.

– Что этот банкир, мистер Джонсон, не умер одновременно с инженером, – ответил он, рассеянно глядя перед собой. – Это, по крайней мере, могло бы избавить нас от многих и многих хлопот.

2031 г., Вашингтон, США

Наутро детектив Тернер, с красными глазами и папкой под мышкой, нетвердой походкой преодолел расстояние до кабинета шефа от допросной. В ней он провел минувшую ночь за просмотром видеозаписей с уличных камер, утешая себя обещанием обязательно посмотреть матч в повторе, однако, шагая по офису, невольно услышал:

– Чертовы «Уизардс»! Как можно было так безвольно отдать первый домашний матч? «Минус двадцать»... Кошмар!

Взгляд, которым Тернер одарил разоряющегося сержанта Коула, казалось, мог испепелить блондинистого сержанта на месте.

– Что? – удивленно спросил полицейский, не понимая, чем заслужил такую враждебность.

Однако Ларри не удостоил его ответом. Скрипнув зубами, он раздраженно постучал в дверь шефского кабинета и заглянул внутрь.

– Детектив Тернер? – Капитан заваривал зеленый чай. Еще одна придурь – «зеленый чай в пакетиках для единения с матерью-природой», – которая доказывала, что капитан Рональд Барнс полный кретин. – Проходите, проходите... Как ваше расследование? Нашли что-нибудь? Агент Паттерсон говорил, это нечто весьма важное...

«Будь проклят тот день, когда я впервые встретился с этим долбаным агентом Паттерсоном», – подумал Тернер про себя, а вслух сказал:

– Да, сэр. Кажется, я нашел, где живет наш убийца.

– Так быстро? – удивился капитан.

«Ну да, всего одна бессонная ночь и весь вечер».

– Да, сэр. Кстати, доброе утро.

– Не могу назвать его таковым, – с мягкой улыбкой ответил Барнс. – Ночью так плохо спал, просыпался раза три, а то и четыре...

«Да он издевается...»

– А я не спал. То есть – совсем.

– То-то я смотрю, на вас лица нет. – Рональд вытащил пакетик и швырнул его в урну, стоящую рядом со столом. Удивительно, но даже с такого расстояния он умудрился промахнуться. – Чаю? Очень, знаете ли, бодрит...

– Сон тоже бодрит. Особенно после того, как всю ночь просматривал записи с уличных камер, чтобы найти убийцу-«подрывника».

– Ах да, вы же тут всю эту ночь провели... – опомнился капитан. – Присядьте, что ли, да расскажите все по порядку. Вы, кажется, сказали, что узнали, где живет наш парень?

– Ну, думаю, да. Он появился на сервисе три недели назад. Приезжал, уезжал в одно и то же время. По счастью, ездил на автобусе, что немало упростило мне работу. Сначала я нашел остановку, где он выходил, а потом проследил за ним до самого дома.

Рассказывая о проделанной работе, Тернер выкладывал на стол перед капитаном снимки – на одном фальшивый Шервуд входит в автобус, на втором покидает его, на третьем идет по улице, на четвертом входит в трехэтажный дом. Капитан, прихлебывая чай и отвратно причмокивая, переводил взгляд с одной фотографии на другую.

– А он не слишком боится уличных камер, – заметил шеф.

– Ну, вероятно, он просто не знал, что их в городе до того много, – пожал плечами Ларри.

– Возможно. Что ж, детектив, вы проделали отличную работу! – Капитан расплылся в улыбке. – Теперь осталось узнать, в какой квартире он живет... и разжиться... – он протянул руку к телефону и снял трубку с рычага, – ордером. Я договорюсь с прокурором, думаю, имеющихся улик вполне хватит.

– Можно я для начала вздремну хоть пару часов на диване в комнате отдыха? – взмолился Тернер.

Капитан смерил его оценивающим взглядом и махнул рукой в сторону двери:

– Валяйте. А то вы и вправду выглядите неважно.

Ларри поднялся со стула и потопал к двери. Он чувствовал себя настоящим зомби: в голове – ни единой дельной мысли, реакция отсутствует в принципе, все, о чем мечтаешь, – это поскорее рухнуть на что-то мягкое и забыться вечным сном. И если в кабинет Барнса детектива влекло подспудное желание рассказать о проделанной работе, дабы убедиться, что он не зря потратил ночь на просмотр треклятых видеозаписей, то сейчас Ларри брел уже с полностью отключенной головой, чисто по инерции. Вот он свернул налево, сделал три шага и плашмя рухнул на старый зеленый диван, который появился тут всего через год после самого детектива, то есть без малого двадцать три года назад. На его подушках и подлокотниках кофейных пятен было больше, чем на ином далматинце, плюс он жутко вонял, но в тот момент все это совершенно не волновало разбитого Тернера. Едва его щека коснулась зеленой ткани, он отрубился.

Однако поспать ему не дали.

В тот момент, когда его разбудили, Ларри ощутил себя несостоявшимся убийцей, которого беззастенчиво выдернули из водной пучины, куда он нырнул с камнем на шее, обратно в осточертевший мир. Тернер, глупо хлопая глазами, уставился на улыбающегося капитана Барнса. Детективу захотелось обхватить тощую шею этого седовласого клоуна и сжимать до тех пор, пока он не вострепнется в последний раз и не обмякнет.

– Ну как, выспались? – подбросил угля в топку омерзительный Рональд. – Есть ордер. Пора ехать, детектив.

– Сколько людей дадите в подмогу? – спросил Ларри, садясь и протирая заспанные глаза ладонями.

Голова была тяжелая, будто чугунная. По-хорошему, ему бы поспать хотя бы часиков пять-шесть, а уже потом возвращаться к работе. Но дело, к сожалению, действительно не терпело отлагательств: чем дольше они ищут убийцу банкира, тем больше вероятность, что он уже покинул город или вот-вот это сделает. Паттерсон уверял, что Бюро объявило его в федеральный розыск, но какой от этого прок, если парень может менять внешность, как ему вздумается?

– Ударный отряд Рассела, – сказал капитан, отвлекая Ларри от невеселых размышлений. – Они уже ждут тебя внизу.

– Отлично, – кивнул детектив безо всякого энтузиазма.

– Ты думаешь, его уже там нет? – неожиданно спросил Барнс.

Тернер мрачно посмотрел на него исподлобья и медленно кивнул.

* * *

– Ломаем? – спросил сержант Рассел, посмотрев сначала на хозяина дома, а потом на детектива.

Рассел напоминал афроамериканского боксера – высоченный, лысый, с бородкой «ван дайк» вокруг пухлых губ и надменным взглядом сверху вниз. Его обтягивающая черная майка едва ли на нем не лопалась. Хозяин же дома был полной противоположностью сержанта – худющий, даже дистрофичный, рубашка болтается, словно на пугале. Рядом с сержантом он явно чувствовал себя неловко. Вот и сейчас он тут же опустил голову, чтобы не смотреть мускулистому негру в глаза, и неуверенно пробормотал:

– Да нет, зачем же сразу ломать? У меня же ключ был запасной, просто его найти надо...

– И сколько времени на это уйдет? – спросил Рассел, косясь в сторону Тернера. – Десять? Двадцать минут? Больше?

– Ну, как я так скажу? – пожал плечами хозяин. – Возможно, получится сегодня, если он где-то здесь... Ну, думаю, завтра точно...

Сержант закатил глаза к потолку. Детектив прекрасно понимал, что они и без того на пару шагов отстают от фальшивого Шервуда. Если же придется ждать до завтра, дело можно смело объявлять «глухарем».

– Мне кажется, я слышу внутри звуки борьбы, – сказал Тернер, многозначительно глядя на главу ударного отряда.

– Борьбы? – недоуменно переспросил хозяин. – Но там ведь вроде никого нет...

К счастью, Рассел с ходу понял замысел детектива. Улыбнувшись самыми уголками рта, он повернулся к двери и воскликнул:

– Мы должны немедленно предотвратить преступление! Вперед!

И вышиб дверь ногой с одного удара.

Хозяин от неожиданности открыл рот, да так и замер, не веря своим глазам. Детектив потянулся к верному «глоку», который дожидался своего часа в кобуре под мышкой.

Члены ударного отряда, оцетинившись пистолетами, столпились у порога и теперь хмуро вглядывались в темноту, царящую в прихожей. Никто не спешил входить; полицейские прекрасно помнили, чем прославился обитатель этой квартирки, и не хотели стать новыми его жертвами.

Детектив понял, что ему придется войти первым, – хотя бы потому, что дело-то расследует не Рассел или его ребята, а именно Тернер.

– Парни, – сказал он негромко.

Бойцы разом повернулись к нему.

– Пропустите меня, – произнес Тернер.

– Ты уверен, Ларри? – спросил сержант.

– Вы здесь, чтобы прикрывать мне спину, а не лезть на рожон, – пожал плечами детектив.

– Да нет, как раз для этого, – усмехнулся негр.

– И все же я зайду первым, – сказал Тернер.

Теперь бойцы смотрели на своего предводителя. Рассел нехотя мотнул головой в сторону, и они расступились. Тернер подошел к дверному проему и, щурясь, заглянул внутрь.

– Может, все же вызовем саперов? – предложил сержант.

– Я практически на сто процентов уверен, что там нет ни взрывчатки, ни самого Шервуда, – сказал Ларри.

– «Практически» – это все же не сто процентов, – скептически заметил Рассел.

– Он вряд ли хочет нас убить, скорее даже наоборот, – объяснил детектив. – Если я правильно понимаю его мотивы, внутри должно быть что-то, связанное со смертью настоящего Курта Шервуда.

– Тебе виднее, – пожал плечами сержант и отступил назад, едва не расплющив своим огромным ботинком крохотную стопу хозяина дома.

Коротышка в ужасе попятился и даже проблеял что-то, но что именно, Ларри не разобрал. Набравшись храбрости, он все же шагнул за порог. Выдохнул. Лоб его был влажным от пота, в горле пересохло. Пожалуй, если бы он действительно хотел нас убить, просто заминировал бы дверь. Зачем лишние сложности?

Нашарив выключатель, Ларри щелкнул по нему костяшками пальцев. Свет вспыхнул резко и ярко, моментально осветив неприглядную гостиную. Старая тахта, выдавший виды ковер в разноцветных пятнах, пара стульев, стол. Дверь в кухню была распахнута настежь, и Тернер невольно вытянул шею, пытаясь

разглядеть, не прячется ли там кто-то? Но нет, в кухне был лишь холодильник, печка и старый телевизор со светодиодной подсветкой. Судя по всему, Шервуд квартиру покинул.

Тернер не сразу заметил, что на столе, поверх стопки листов разного содержания, лежит крохотная флэшка. Подойдя ближе, детектив увидел, что к ней примотан проволочкой зеленый ярлычок с надписью: «Включи меня». Закусив губу, Ларри вытащил из кармана носовой платок и с его помощью взял флэшку со стола.

– Что там у тебя? – спросил Рассел, заглянув внутрь.

– Кое-что нашел. – С находкой в руке Тернер прошел на кухню и воткнул ее в единственное подходящее гнездо. – Флэшка, старого образца.

– Интересно, что на ней? – озадаченно пробормотал сержант.

– Сейчас гляну, – пообещал детектив. – А вы пока комнату и санузел осмотрите, лады?

– О'кей, старик, – кивнул Рассел и скрылся с глаз.

Вставляя флэшку в телевизор, Ларри уже знал, что увидит. Точнее, догадывался. И убедился, что догадка верна, едва воспроизвел единственный находящийся на флэшке файл.

Это была видеонарезка аварии, в которой погиб настоящий Курт Шервуд и пострадал банкир Джонсон. Съемка велась с разных углов. Уличные камеры, любительское видео (кто-то снимал разбитые в пух и прах автомобили на телефон, воодушевленно комментируя случившуюся трагедию). Ролик длился не больше трех минут, но даже столь небольшого хронометража вполне хватило, чтобы понять: в случившейся аварии виновен лишь один человек.

И речь шла вовсе не о бедолаге Курте Шервуде, безработном инженере-биологе, на которого все в итоге и повесили.

«Что ты будешь с этим делать? – мелькнула мысль. – Покажешь капитану? А если он не захочет идти против Эдварда... или захочет, но ему не позволят? Что, если господин Уоррен, будь он неладен, окажется не в восторге от нашей инициативы и нас решат убрать?»

Судорожным движением детектив выдрал флэшку из телевизора и сунул ее в карман куртки.

– Ну что там, Ларри? – спросил Рассел из комнаты.

– Да так, – буркнул Тернер, затравленно посмотрев на сержанта. – Пока непонятно...

Он выудил из чехла на поясе мобильник и позвонил судмедэкспертам.

Ларри знал, что больше ничего тут найти не удастся, но такова была стандартная процедура.

А пока судмедэксперты будут изучать каждый дюйм этой занюханной квартирки, детектив сможет хорошенько все обдумать.

Например, стоит ли правда того, чтобы ради нее жертвовать жизнью?

* * *

2031 г., Лос-Анджелес, США

Это было одно из тех новомодных «кафе-на-вершине-небоскреба», которые особенно удобно открывать в солнечной Калифорнии, где дожди случаются только по большим праздникам. Выйдя из лифта, Ястреб прошел через дверную арку и оказался на крыше. Озираясь по сторонам, он побрел между рядами одинаковых круглых столиков, накрытых белыми скатертями и украшенных декоративными плетеными корзинками с искусственными цветами. Несмотря на знойный полдень, людей в кафе хватало – прячась в тени бежевого навеса,

десятки женщин, мужчин, детей и стариков болтали, ели и пили.

– Вы кого-то ищете?

Ястреб востропнулся, оглянулся через плечо. За столиком, на котором из посуды был лишь графин, две рюмки и тарелка с посахаренными дольками лимона, сидел мужчина лет пятидесяти с коротко стриженными седыми волосами и, хитро сощурившись, смотрел на связного снизу вверх.

– Да так, одного джентльмена... – произнес Ястреб, повернувшись к мужчине. – Не в курсе, кстати, что сегодня ставят в «Долби»?

Это была первая часть кодовой фразы, по которой Гэб должен был понять, что с ним говорит человек генерала.

– За сегодня не скажу с уверенностью, – произнес мужчина с приторной улыбкой, – ведь я бывал там, когда он еще назывался «Кодак», и ставили там тогда всевозможную чепуху, вроде Шекспира.

– Это ты, – расплылся в улыбке Ястреб.

– Так отпразднуем же это, – продолжая улыбаться, Гэб плеснул в обе рюмки на палец.

Связной в нерешительности опустил на один из свободных стульев и медленно, будто боясь обжечься, прикоснулся к рюмке. Ястреб не был заядлым любителем алкоголя; по сути, он выпивал реже, чем в Лос-Анджелесе случался дождь.

– За встречу, – подмигнул ему ликвидатор и, не дожидаясь ответной реакции, залпом осушил тару.

Ястреб ограничился жалким глотком, тут же скривился и, спешно вернув рюмку на стол, подхватил с тарелки лимон.

– Слабовато, – глядя, как связной споро пережевывает дольку цитруса, заметил Гэб. – Впрочем, я привык. Правильно пить водку умеют только русские... ну и я.

Эх, с Сэмом, помню, однажды два таких графина выпили... Славный был денек. Рыбалка...

Заслышав имя «Сэм», Ястреб поперхнулся лимоном.

– В чем дело? Ты уже и с лимоном справиться не можешь? – усмехнулся ликвидатор.

– Нет, тут... В общем, сейчас сам все увидишь... к сожалению... – пробормотал Ястреб, вытаскивая из-за пазухи мобильник.

– Ты о чем? – нахмурился Гэб. – Я подобные минорные недомолвки, знаешь ли, не очень...

– Сейчас-сейчас... – скользя большим пальцем по сенсорному экрану, буркнул связной.

Прошло секунд пять, прежде чем он отложил телефон в сторону и пробормотал:

– Готово.

Гэб открыл было рот, чтобы уточнить, о чем идет речь, когда мобильник в кармане требовательно запищал – пришла «смс».

– Твое? – уточнил ликвидатор и, дождавшись кивка, вынул телефон из кармана.

Экран был дюймов пять, не меньше, но, когда мобильник лежал на ладони здоровяка, он совсем не казался большим. Ястреб с замиранием сердца наблюдал, как Гэб медленно водит пальцем по экрану, как хмурится, чтобы получше рассмотреть иконки и буквы. Когда же брови его взлетели на лоб, связной понял: он читает письмо.

Следующие пять минут прошли в полной тишине. Обычно бесстрастный, Гэб казался взволнованным и даже обескураженным. Судя по его манипуляциям – сначала пролистывает страницу вниз, потом обратно вверх и так по несколько раз, – он перечитывал сообщение от Ястреба снова и снова.

Наконец Гэб оторвал взгляд от экрана мобильного и хмуро посмотрел на присланного Тейлором бойца.

– Значит, Сэм? – спросил он.

– Да, Гэб. Увы, – ответил Ястреб с кислой миной.

«Сэмом» Сергея Мамонтова звали, чтобы лишний раз не озвучивать имя и фамилию. То же самое касалось и Гэба, которого взаправду звали Глен Богут. Он был старый австралиец, всю жизнь прошедший в боях бок о бок с генералом Тейлором. И пусть сейчас ликвидатор уже фактически пребывал на пенсии, лидер Легиона нередко обращался к старому другу за помощью. Сэм и Гэб считались мастерами экстра-класса, единственными в своем роде, и на этой почве порядком сблизились.

И вот теперь один получил заказ устранить второго. А ведь еще недавно они вместе рыбачили, выпивали по два графина...

Богут налил себе до краев, даже не глянув на собеседника, залпом осушил рюмку. Поморщился, зажмурился на пару мгновений, а потом смахнул скупую слезу и сказал, уже поднимаясь:

– Привет своим.

Ястреб молча кивнул. Он ничуть не удивился, что Богут ушел так быстро и сказал так мало. Единственное, что немного выбивалось из привычной картины, – это растерянность во взгляде ликвидатора в первую секунду после того, как он прочел имя будущей жертвы. Доселе он никому не позволял усомниться в твердости характера, но тут даже этот стальной человек слегка поплыл. Впрочем, оно и не удивительно: речь ведь шла пусть не о друге, но о довольно близком человеке, которого Богут вдобавок научил за годы знакомства несколькими собственными трюкам.

Ястреб не знал, что побудило Мамонта на предательство. Умом он понимал, что дело, скорее всего, в деньгах: Синдикат щедро вознаграждал сподвижников, готовых любым способом поддержать борьбу Эдварда против Легиона. Однако поверить в то, что такой принципиальный человек, как Сергей, способен изменить идеалам из-за стопки зеленых бумажек, было чертовски трудно.

Стремление срубить побольше бабла могло объяснить только внезапно возникшее желание уйти на покой; по крайней мере, Ястреб слышал немало историй про киллеров, «завязавших» таким образом, – пойдя против собственной совести ради заветного миллиончика долларов на счете в швейцарском банке.

Что сейчас творится в голове у Богута? Чем заняты его мысли? Планированием грядущей операции? Или же воспоминаниями о знакомстве, о редких встречах, о словах, которые говорили друг другу эти два человека с весьма схожими судьбами?

«Надо было выпить еще», – думал Глен, входя в пустую кабину лифта и нажимая кнопку с цифрой «один».

* * *

2031 г., Эль-Бурган, Кувейт

– Седьмой, прием! – донеслось в наушнике Билла Гентентона.

Выбирают же они моменты, подумал сержант. Сидя на корточках, он прижимался спиной к обломку стены, надеясь, что солдаты Синдиката решат не тратить снаряды на одного-единственного солдата. Его китель и брюки насквозь промокли от пота, ладони тоже вспотели, и приклад автомата буквально выскальзывал из рук.

И как быть в такой ситуации? Отвечать? А если его голос услышит противник? Тогда ему точно несдобровать. Но что, если штаб планирует пустить в ход тяжелую артиллерию и теперь не может начать обстрел, потому что не знает позицию Гентентона?

Сержант на миг зажмурился.

Черт, и почему с каждым годом воевать становится только сложнее? Иногда Билл мечтал жить во времена рыцарей, когда в ходу были мечи, пики, арбалеты

и пращи... а не ракетные комплексы, способные в считанные мгновения сравнять с землей целый город.

– Седьмой, прием! – не унимался голос в наушнике. – Ответьте!

– Седьмой на связи, – сдался Гентентон.

Будь, что будет, решил он. Если суждено ему сегодня умереть, то ничего тут не поделаешь.

– Где вы находитесь? Сообщите координаты!

Чертыхаясь, Гентентон посмотрел на электронные часы, ремешок которых обвил левое запястье. Продиктовал.

– Зафиксировали! – подтвердил голос.

– Штаб, ответьте! – прошипел сержант.

– Седьмой?

– Что вы планируете делать? Подключить артиллерию?

– Да, сэр. Мы должны остановить продвижение Синдиката на юг любой ценой.

Гентентон улыбнулся самыми уголками рта: ну конечно, должны. Ведь буквально в считанных футах к югу находится топливный склад, который ни в коем случае не должен достаться прихвостням Эдварда.

– Какие будут указания? – спросил Гентентон.

– Что с вашим отрядом? – отозвался голос в наушнике.

– Четверо погибли, остальные шестеро вне поля зрения, – с неохотой доложил Гентентон.

– Оставайтесь на месте, сержант, – после непродолжительной паузы наставительно изрек «штаб». – Во избежание...

– Вас понял, – пробормотал Гентентон.

Сказать по правде, сидеть за полуразрушенной стеной на корточках было не слишком приятным занятием. В любой момент его убежище мог обратить в порошок очередной залп синдикатовских орудий. Да и свои, честно говоря, могли что-то напутать и случайно отправить бравого сержанта на тот свет – вслед за четверыми бедолагами из его отряда, которые на глазах сержанта отдали души Богу.

– На помощь! – внезапно услышал Гентентон чей-то жалобный стон.

Поначалу он решил, что ему показалось, – среди рокота пулеметов и гула взрывов человеческий голос казался чем-то сюрреалистическим, нелогичным и чужеродным. Однако когда зов о помощи повторился, Гентентон невольно вытянул шею и огляделся по сторонам.

Откуда доносится голос?

Возможно, из соседнего здания, от которого также остались лишь обломки?

Гентентон прислушался: не слышно ли солдат Синдиката? Хотя с чего бы им идти на сближение? Их цель – явно не сберечь здешнюю архитектуру на радость потомкам. Они хотят изничтожить всех солдат Легиона, находящихся в Эль-Бургане. И если ради этой благой цели придется уничтожить весь город, они это сделают.

Сержант закусил губу. В очередной раз судьба ставила его перед непростым выбором: остаться на месте, наплевав на мольбы о помощи, или же рискнуть своей жизнью и прийти на выручку? Инстинкт самосохранения требовал ничего не предпринимать, однако совесть настаивала на вмешательстве.

И, когда стон повторился в третий раз, Гентентон решился. Согнувшись в три погибели, он на полусогнутых устремился к соседнему зданию. Автомат сержант держал в вытянутых руках перед собой. Воображение, разумеется, по старой

доброй традиции тут же стало подбрасывать сценки одна другой кровавее: то его убивают очередью в спину, то разносят в клочья гранатой или самонаводящейся ракетой, от которой не спрятаться, не скрыться... Впрочем, последнее, вероятно, могло бы случиться разве что в киношном боевике и то лишь в качестве сарказма – ведь на реальной войне никто не станет стрелять в спину убегающему солдату из цельной ракетной установки.

Благополучно достигнув дверного проема, Гентентон нырнул внутрь и вжался в стену справа от входа. Переведя дух, он с удовлетворением отметил: «Жив!». Убедившись, что Синдикат его маневр оставил без внимания, сержант огляделся по сторонам. И где же ты, бедолага, который так жалобно звал на помощь?

На первый взгляд, в помещении никого не было.

«Но не могло ведь мне показаться?» – растерянно подумал сержант.

Примерещиться может раз, ну пусть два, но точно не четыре. Значит, где-то внутри действительно находится человек, который нуждается в помощи. Однако бродить по зданию и заглядывать под кровати-стола и в шкафы с тумбочками сержант не мог: любое лишнее телодвижение могло привести к непоправимым последствиям. Что, если артобстрел накроет здание, где Гентентон сейчас находится? Пока он у двери, покинуть развалины не составит труда. Но если он начнет блуждать по дому...

– На помощь! – донеслось из соседней комнаты.

Двигаясь вдоль стены и не выпуская из виду межкомнатный дверной проем, сержант достиг окна, но так никого и не увидел. Выглянув наружу и убедившись, что снаружи никакого движения по-прежнему не наблюдается, Гентентон медленно пошел вперед. Он знал, что поступает не слишком умно. Но любое промедление могло привести к смерти неизвестного мужчины. И тогда все усилия сержанта окажутся напрасны.

Очутившись на пороге комнаты, Гентентон наконец-то увидел обитателя полуразрушенного дома: мужчина лежал возле разрушенной лестницы на второй этаж. Левую ногу бедолаги придавило обломком стены. Завидев Гентентона, незнакомец просиял и, приподнявшись на локте, воскликнул:

– Слава богу, вы пришли!

Сержант замер с винтовкой в руках. Лицо мужчины показалось ему смутно знакомым, однако, прежде чем делать какие-то выводы, бедолагу не мешало хорошенько умыть: вся физиономия его, равно как и руки-ноги-торс, была перепачкана грязью. Пот смешался с пылью и строительным мусором, и мужчина напоминал такого загримированного под негра актера, хотя, судя по характерным чертам лица, относился к европеоидной расе.

– Да помогите же мне наконец... – на ломаном английском провыл мужчина, снова распластавшись по полу.

Гентентон утер рукавом взмокший лоб, затравленно огляделся, надеясь отыскать что-то, подходящее на роль рычага. На глаза ему попался увесистый брус, который валялся рядом с противоположным окном. К нему-то сержант и устремился.

– Вы куда? – спросил мужчина настороженно: он, видимо, испугался, что Гентентон решил его бросить.

– За рычагом, – буркнул сержант, проходя мимо пленника.

– Боже, как же больно... – простонал незнакомец, зажмурившись.

Подхватив брус, Гентентон вернулся к лестнице и с трудом, но втиснул импровизированный «рычаг» между полом и обломком.

– Как только почувствуете, что нога освободилась, выдергивайте ее наружу, – наставительно изрек сержант. – Я такую махину долго не удержу, да и брус неизвестно, сколько выдержит...

Незнакомец, закусив губу, отрывисто кивнул – мол, понял, давай пробовать.

– Ну, поехали, – пробормотал сержант. – На счет «три». Раз... Два... Три!

Он потянул брус вверх. Мышцы от напряжения взвыли, зубы скрипели так, что, казалось, просто рассыплются, а скуластое лицо покраснело от натуги. Брус

предательски хрустел, но Гентентон знал: второй попытки с этим «рычагом» уже не будет, так что надо выжимать максимум.

Краем глаза он увидел, что незнакомец, помогая себе руками, отполз в сторону.

– Есть! – воскликнул мужчина, не скрывая радости, и в тот же миг Гентентон разжал пальцы.

Обломок стены рухнул на пол, подмяв под себя бесполезный теперь «рычаг». Треклятый брус разминулсЯ с правой ногой сержанта на считанные дюймы, иначе точно сломал бы пару пальцев и ботинок бы не спас. Отступив назад, Гентентон согнулся и уперся руками в колени. Так он стоял до тех пор, пока дыхание не выровнялось.

– Вы как? – спросил незнакомец.

Он продолжал лежать на полу, глядя то на обломок стены, едва не лишивший его ноги, то на своего спасителя, но, на удивление, не предпринимал даже робких попыток подняться. Возможно, просто боялся.

– Порядок, – бросил Гентентон и, резко выпрямившись, шумно вздохнул. – Как ваша нога? Идти сможете?

Незнакомец, подумав, неопределенно пожал плечами.

– Надо попробовать, – сказал он. – Поможете?

Гентентон подошел к нему и протянул руку. Мужчина потянулся к ней...

Взрыв выбил последние стекла из окон. Осколки брызнули во все стороны, и Гентентон с незнакомцем вскинули руки, чтобы защитить лица.

Кто это, подумал Гентентон, пЯтЯсь к дверному проему. Свои? Или же Синдикат? Походя он поднял оставленный на полу автомат и приготовился стрелять, едва ненавистные прихвостни Эдварда сунутся внутрь.

– Проверь здание! – услышал сержант.

Голос показался ему незнакомым.

– Вот черт... – прошипел лежащий на полу мужчина и попытался встать, однако лишь скривился и снова бессильно плюхнулся на пятую точку. Продолжая ругаться, незнакомец перевернулся на живот и пополз обратно к лестнице, возле которой совсем недавно едва не погиб.

Что он там забыл, думал сержант, глядя на извивающегося мужчину. Хочет спрятаться среди руин? Но солдаты Синдиката не идиоты, они или заберут его с собой, или прикончат. Надеяться же, что солдаты не станут особо усердствовать в поисках, было крайне глупо. Впрочем, этот парень только что спасся из, казалось бы, смертельной ловушки, так что не стоит ждать от него какой-то сверхадекватности.

Внезапно Гентентон услышал за спиной подозрительный стук. Обернувшись, он с ужасом увидел, что это скачет по полу залетевшая внутрь граната. Проклиная все на свете, сержант метнулся обратно в комнату.

Гентентону снова повезло: едва он нырнул за стену справа от входа, как грянул оглушительный взрыв. Левое ухо заложило, первые мгновения сержант вообще ничего не слышал.

«Надо было оставаться на месте», – подумал он, держа автомат наизготовку.

Впрочем, на войне никогда не угадаешь, где именно тебя найдет смерть.

Прошло с полминуты, когда Гентентон снова услышал голоса.

– Кажется, никого.

– Надо проверить комнату. Да и на втором этаже вполне могут быть...

– Сейчас посмотрим.

С каждой секундой голоса становились все громче. Сглотнув набежавший в горле ком, Гентентон закусил губу и выскочил из-за стены. Двое солдат

Синдиката ошалело уставились на него через тактические очки. Сержант не тратил время на глупые и бессмысленные команды, вроде «стоять» или «руки вверх»: он не собирался возиться с пленниками.

Несколько нажатий на спусковой крючок – и в груди левого солдата в синей форме стало на пять дырок больше. Бедолага даже не успел поднять автомат.

А вот его товарищ – успел.

И даже раз выстрелил, прежде чем Гентентон со всего размаху врезал ему в морду прикладом. И конечно же попал – промахивайся он с такого расстояния, кто бы его вообще сюда отправил воевать? Впрочем, сержант понял, что ранен, далеко не сразу. Прежде он добил не в меру ретивого солдата судорожной очередью и только тогда, глядя, как убитый падает на своего напарника, почувствовал чудовищную слабость в ногах.

– Черт... – просипел сержант, припадая на одно колено.

Картинка перед глазами заплесала, задрожала. Сержант выпустил автомат из рук и завалился на бок. Правая ладонь инстинктивно легла на пораженную печень, и Гентентон почувствовал, как по пальцам растекается теплая кровь.

Последним, что сержант увидел перед тем, как потерять сознание, было хмурое лицо спасенного им мужчины. Тот стоял над умирающим, сочувственно глядя на него сверху вниз, и в каждой руке у незнакомца было по пистолету. Как показалось Гентентону, травмированная нога не доставляла ему никаких неудобств.

* * *

Еще один отдал жизнь ради того, чтобы Джон Тейлор утер нос Эдварду Уоррену, думал я, глядя, как опускаются веки смертельно раненного солдата и он погружается в последний, беспробудный сон.

Сказать по правде, я надеялся, что на выручку мне явится не один пожеванный вояка, а группа или даже отряд. Впрочем, я конечно же был рад и ему одному, но он как-то слишком быстро умер, даже не успев проводить меня до стоянки

эвакуационного транспорта. Заявляться туда самолично я немного боялся: пусть мне удалось неплохо поработать над своей внешностью, появление перепачканного чужой кровью беженца с пистолетами в руках вполне может навести их на определенные мысли... Куда меньше внимания я бы привлек, если бы меня, хромающего и постанывающего, привели в лагерь Легиона доблестные воины, вроде почившего парня.

Но есть ли смысл сокрушаться об этом теперь, когда, едва обретя «спасителя», я тут же снова остался в одиночестве?

– Вы слышали выстрелы? – проорал снаружи некто жутко хриплый.

– Да! Пойду проверю! – ответили ему куда более благозвучным баритоном.

Вытянув руки перед собой, я сцепил большие пальцы и приготовился стрелять. В подобных ситуациях я всегда использовал метод «стрельбы по-македонски», ибо это снижало риск осечки, губительной в противостоянии с несколькими противниками. А солдат Синдиката снаружи было пруд пруди, в этом я не сомневался ни капли.

Вот один шагнул внутрь и тут же схлопотал две пули – по одной из каждого ствола. Первая вошла в лоб, вторая – на сантиметр ниже правого глаза. Сделав по инерции пару шагов, парень рухнул на пол. Я остался на месте, ожидая, что кто-то сунется следом за убитым, однако солдаты Синдиката наконец включили головы и, решив, что трех потерь достаточно, зашвырнули внутрь еще одну гранату.

Чертыхаясь, я метнулся обратно в комнату, чтобы укрыться от осколков за несущей стеной.

– Что там творится? – проорал хриплый.

– Какой-то легионовец засел внутри! – доложил голос. – Нужно подкрепление, там уже трое наших, ни один не отвечает!

– Черт бы побрал Тейлора и его псов! – раздраженно воскликнул хриплый.

Надо срочно валить, решил я, иначе через пару минут здесь окажется с десяток синдикатовцев. Труп моего несостоявшегося «спасителя», как я надеялся, собьет их с толку и позволит мне выиграть немного времени. Прокравшись к окну, я поднял обломок бруса, выбросил его наружу и весь обратился в слух.

Тишина. Никто не обратил на произошедшее никакого внимания. Значит, по идее, за окном никого.

И тем не менее я не собирался спешить. Осторожно высунув голову наружу, я лишний раз убедился, что переулок пуст, и только тогда покинул дом. Справа был тупик, поэтому я, пригнувшись, устремился влево. Мне не слишком хотелось шататься по улицам оккупированного Эль-Бургана, ведь смерть тут подстерегала на каждом углу. Однако соваться в близлежащие здания было еще опаснее: кроме солдат Тейлора и Уоррена, там вполне могли поджидать жители города, решившие, что умереть, защищая свой дом, куда лучше, чем под присмотром американских вояк отсиживаться в Эль-Вафре. Объяснить подобным смельчакам, что ты сам, по сути, беженец, получится вряд ли – хотя бы потому, что сначала тебе всадят пулю в лоб, а уже потом спросят, откуда ты такой взялся.

Закон джунглей весьма прост: загнанный в угол зверь никогда не сядет за стол переговоров. Куда вероятнее, что он попытается перегрызть глотку тому, кто его в этот угол загнал.

Из здания, которое я только что покинул, донеслись уже знакомые мне голоса:

– А вот и этот сучий потрох!

– Что, его осколками посекло?

– Похоже на то.

– Неужто никто из ребят в него не попал?

– Да нет, попал, конечно, иначе че, он в дверях бы стоял и ждал, пока граната прилетит?

– Ну точно, вон у него в печени дырка!

Судя по голосам их было трое. Не слишком много, но, когда ты один, даже с таким количеством вооруженных солдат не захочешь связываться понапрасну. Именно поэтому я споро улепетывал прочь, старательно прислушиваясь к каждому шороху. Если голоса станут громче, значит, ублюдки подходят к окнам, и вот тогда перестрелки мне точно не избежать.

Я был уже в считанных метрах от угла здания, когда из дома справа, пинком распахнув дверь, выскочил солдат Синдиката. Я выстрелил, особо не целясь. Он, надо думать, даже не понял, откуда прилетела пуля, – умер, так и не увидев своего убийцу. Понимая, что сейчас на звук выстрелов сбежится вся округа, я стремглав бросился к заветному углу, спеша уйти с возможной линии огня. Держа пистолеты наготове, я свернул вправо и, к счастью, обнаружил там лишь труп солдата Легиона. Будь он жив, даже не знаю, что бы стал делать – стрелять или кричать, что ищу убежища. С двумя стволами в руках разыгрывать невинную жертву все-таки в разы сложнее, чем лежать под обломком стены с горестным выражением лица.

Позади уже слышались крики преследователей:

– Куда он рванул?

– Наверное, в дом, вон дверь нараспашку!

– Господи Иисусе, это же Джонни...

Все та же троица, отметил я для себя. И никого больше. И еще идут по ложному следу...

Все бы ничего, да только до штаба еще – топать и топать. А чем ближе к штабу, тем больше солдат Легиона и вопросов типа «Откуда у беженца два пистолета?» и «Где он научился так стрелять?».

Закусив губу, я сделал еще один шаг и содрогнулся, услышав снизу характерный лязг. Опустив голову, я увидел канализационный люк.

Я живо вспомнил, как буквально вчера брел по мрачным тоннелям, утопая подошвами в зловонной жиже. Может, самое время отправиться вниз? А что, там ни Легиона, ни Синдиката, только сточные воды да всякая дребедень, которую сюда этими водами занесло. Образу беженца блуждание в этой вонище уж точно не повредит. Даже напротив.

Спрятав пистолеты за пояс, я сдвинул крышку в сторону. Уже знакомый запах вновь ударил в ноздри. Стараясь не обращать на него внимания, я нашарил ногой ступеньку и нырнул внутрь. Достигнув середины лестницы, я осторожно, чтобы не прибить пальцы, вернул тяжеленную крышку на прежнее место и спрыгнул вниз. Мутная вода забрызгала штанины и внутрь залилась, но в тот момент мне на это было плевать. Выудив из нагрудного кармана миниатюрный компас, я определил, где юг, и устремился вперед по тоннелю. Один из пистолетов остался за поясом, второй же я на всякий случай достал и сжал в правой руке, чтобы меня не застали врасплох. Сомневаюсь, что Синдикат станет гоняться за мной по всей канализации, но исключать такую вероятность нельзя.

К счастью, Бог миловал и внизу мне докучали только крысы и то – лишь противным писком, который, однако, всякий раз заставлял меня вздрагивать. Остановившись под очередным люком, я ненадолго завис. Вот что делает с людьми проклятая привязанность к модным девайсам: решив, что мобильник для беженца – это слишком круто, я от него избавился, а теперь стоял и ломал голову, где нахожусь. Конечно, сдвинуть люк и выглянуть наружу никакого труда не составляет, но ведь там, наверху, могут быть солдаты той или иной армии. Хорошенько все обдумав, я стянул с себя потрепанную куртку и, завернув в нее пистолеты с компасом, положил получившийся «рулон» рядом с лестницей. Пусть полежит пока. Если наверху никого не встречу, вернусь за этим свертком и перепрячу.

Споро забравшись по лестнице, я аккуратно, стараясь не шуметь, приподнял и отодвинул чугунную крышку в сторону. Без лязга металла по асфальту, конечно, не обошлось, но, к счастью, на шум никто не среагировал. В лицо мне ударил свет беспощадного полуденного солнца, и я невольно прищурился – до того ярко оно светило. Разобравшись с крышкой, я поднялся еще на полметра выше, прислушался – тишина! – и только тогда выглянул наружу.

Никого. Иногда мне начинает казаться, что я – крайне везучий тип, ведь, несмотря на все лишения и невзгоды, преследовавшие меня по жизни, сам я до сих пор жив, а при моем образе жизни это уже большая удача.

Вернувшись вниз за свертком, я снова выбрался наружу. Спрятав один из пистолетов за ближайшим мусорным контейнером, я сунул второй за пазуху и попытался сориентироваться на местности.

Эта часть Эль-Бургана еще не успела испытать на себе орудия Синдиката и потому до сих пор напоминала цивилизованный город. Озираясь по сторонам, я наткнулся взглядом на трехэтажное здание с полуразрушенным угловым балконом, оно показалось мне знакомым. Кажется, штаб находится сразу за ним. Я облизал пересохшие губы и вдоль стены побрел в выбранном направлении, старательно подволакивая правую ногу (это должно было придать моему образу бедолаги-беженца дополнительной трагичности). Хромой, грязный европеец, который нашел в Эль-Бургане любовь всей жизни, но из-за козней Синдиката ее утратил и сам едва не погиб, – чем не сюжет для очередной голливудской слезодавилки, которая соберет миллиард за первые три уик-энда?

Добраться до штаба, однако, мне было не суждено: не успел я достичь угла ближайшего здания, как навстречу мне вышел скуластый мужчина в форме Легиона. Он резко вскинул автомат, и я просто замер, чтобы его не провоцировать. Оставалось надеяться, что передо мной не полный кретин, который предпочитает сначала стрелять, а потом уже задавать вопросы.

– Стоять, – процедил незнакомец, хмуро глядя на мое перемазанное сажей и грязью лицо.

Меня подмывало сострить в ответ, но я понимал, что подшучивать над бестолковым дуболомом в такой ситуации чересчур рискованно, и потому лишь проблеял:

– Сэр... Слава богу... сэр...

– Кто вы? Что здесь делаете? – продолжая держать меня на мушке, спросил солдат.

– Я... я живу... жил здесь, сэр... – Я мотнул головой в сторону, откуда до сих пор доносились звуки выстрелов и взрывов. – В северной части Эль-Бургана... с женой... она... она...

Я закрыл лицо ладонями, охнул и поджал правую ногу, демонстрируя, как мне больно. Сквозь пальцы я увидел, как солдат нехотя опускает автомат, как его взгляд в считанные мгновения утрачивает былую враждебность и становится равнодушным. На мои страдания дуболому плевать, но и пусть с ним, сочувствие его мне без надобности; главное, он уже сделал вывод, что я для него не опасен. Опрометчиво, однако, к счастью для солдафона, живой он мне сейчас куда нужнее, чем мертвый.

– Что с женой? – спросил Скуластый, изображая сочувствие. – Погибла?

Актерского дара в нем, однако, было ни на грош, поэтому выглядела его физиономия по-дурацки, но я охотно «слопал» эту фальшь и, отняв руки от лица, нехотя кивнул.

– Мои соболезнования, – не придумав ничего лучше, сказал дуболом.

– Спасибо, – прошептал я.

Он еще раз осмотрел меня сверху донизу и сказал:

– Вы родом не отсюда ведь, да?

– Из Англии, – припомнив недавний рассказ Марины, ответил я.

– Ну и занесло вас... – Скуластый покачал головой. – Из огня да в полымя...

– Жена была кувейткой, – пояснил я.

Он задумчиво покивал, а потом, спохватившись, запоздало предложил:

– Позвольте я провожу вас к прочим беженцам? Вам, кажется, нужна медицинская помощь...

– Вы о ноге? Пустое... Сказать по правде, я бы без ноги лучше остался, чем без жены.

– Понимаю, – кивнул солдат. – Но все равно я вам советую показаться врачу.

– Попробую, – со вздохом сказал я.

– Пойдемте. – Солдат мотнул головой в сторону штаба.

Он пропустил меня вперед и потопал следом, озираясь по сторонам. Чтобы его позлить, я пошел нарочито медленно, опираясь на стену и с таким трудом подтягивая ногу, будто к ней была прикована цепь с гирей, как у средневекового заключенного. Судя по шумному сопению и тихому бормотанию, я своей цели добился.

Мы обогнули здание с полуразрушенным балконом и оказались возле штаба. Внутри у меня похолодело, когда я увидел лейтенанта Батлера, курящего у настежь распахнутого окна на втором этаже. Прежде мы с ним неплохо ладили. Прекрасно понимая, что за маскировкой меня не узнать, я все же на всякий случай уткнулся в землю и прошел мимо, удостоившись лишь мимолетного взгляда. К счастью для меня, это был взгляд «еще один бедолага», а не взгляд «постойте-ка, да ведь это же...».

– Куда, сэр? – не оглядываясь, спросил я.

– Обходим здание слева, там будут машины.

По счастью, с водителями грузовиков я дружбы не водил, а потому совершенно не боялся быть узнанным. Когда мы добрались до стоянки, одна из машин как раз ее покидала. Беженцы – дети, женщины, мужчины – выглядывали наружу из крытого тентом кузова. Смотрели они по большей части не на оставшихся в городе, а на столбы дыма, которые чернели над северной частью Эль-Бургана. Лица их были перекошены горем: из-за алчности американцев эти несчастные лишились собственного дома, и будущее их не взялась бы предсказывать даже самая искушенная гадалка. Кроме уже уезжающего грузовика, на стоянке осталось еще четыре. Под чутким контролем солдат беженцы споро загружались в кузова, мечтая поскорее убраться из зоны боевых действий.

– Занимайте очередь, – напутствовал меня мой участливый дуболом. – И ждите транспорт. В Эль-Вафре сразу, как приедете, покажитесь врачу.

– А как я его там найду?

– Спросите у наших ребят, они подскажут.

Я кивнул. Он уже собирался уйти, когда его нагнал мой вопрос:

– Как считаете, сэр... Мы скоро сможем вернуться обратно?

Он оглянулся через плечо, посмотрел на меня с тоской. Отвернувшись, буркнул:

– Думаю, вы не сможете...

И ушел, оставив меня в одиночестве.

Я проводил его взглядом, после чего решил последовать его совету и занять место в одном из кузовов. Усиленно работая локтями, я продрался к одному из грузовиков... как вдруг увидел ее. Поначалу я глазам своим не поверил – ну что бы ей тут делать? Однако это, бесспорно, была она – девушка Марина, официантка из занюханного бара в западной части Эль-Бургана. Она сидела в кузове грузовика и казалась крайне расстроенной.

Не знаю, что подтолкнуло меня к тому, чтобы, распахав прочих страждущих, забраться в кузов и подойти к ней. Возможно, это был банальный эгоизм – желание скоротать дорогу с приятной знакомой. Одно знаю точно: в те секунды мне больше всего на свете хотелось стереть с ее лица маску горечи и скорби.

– Марина, – позвал я, втискиваясь между нею и пожилым толстячком, который одарил меня испепеляющим взглядом, но смолчал.

Она недоуменно уставилась на меня, не понимая, кто перед ней.

– Это я, Сэм, – прошептал я. – Сэм Хэйз.

Брови ее взлетели на лоб. Выпучив глаза, Марина прикрыла рот ладонью и несколько мгновений просидела в такой позе. Я терпеливо ждал, пока она налюбуется мной вдоволь. Наконец она опустила руку и, качая головой, сказала:

– Что с тобой приключилось, Сэм? Ты... ты сам на себя не похож.

– Легкая пластика лица, немного грязи и – вуаля! – Я вымученно улыбнулся.

– А если серьезно? – Судя по тону, Марина была не в настроении шутить.

– Синдикат, – мигом посерьезнев, сказал я. – Взорвали дом, я чудом выжил. Встретил солдата Легиона, он привел меня сюда, смотрю – ты сидишь...

– Ужас... – пробормотала девушка, качая головой. – Дом взорвали...

– А с тобой что приключилось?

– Примерно то же самое. – Взгляд ее потерял фокус, стал рассеянным. – Ворвались в бар, Ибрагим сдуру за ружье схватился, его пристрелили на месте. Хозяин свалил, я спряталась в подвале, благо их интересовало, только если ли в доме кто-то из Легион. Потом кралась по городу, все время ждала, что убьют... Вспоминала Англию, где творилось всякое, но такого... такого там не было, Сэм!

– Успокойся. – Я коснулся ее ладони, и она вздрогнула от неожиданности и посмотрела на меня странным взглядом, будто впервые увидела. – Все уже позади. Сейчас нас увезут в Эль-Вафру...

– Но ведь здесь был наш дом! – Она повысила голос. – Разве тебе не дорог твой дом?

Только сейчас я заметил, что на нас косятся все без исключения – наверное, сказывалось то, что мы общались не на привычном для всех английском, а на русском.

– За годы переездов, – сказал я без тени иронии, – я научился не привыкать особо к новому месту, чтобы потом лишний раз не горевать. Возможно, это не совсем правильно, но... такой «тренинг» помог мне сэкономить немало нервных клеток.

– Я и сама нередко меняла обстановку, – покачала головой Марина. – Но дело не в этом, Сэм. Когда они пришли в Англию, я решила сбежать к черту на кулички,

подальше от разборок между «левыми» и «правыми», между республиканцами и демократами, между Синдикатом и Легионом. И когда мне начало казаться, что у меня получилось, война нашла меня даже здесь, в Кувейте. Да, я по-прежнему жива, да, мне дают убежище. Но теперь я точно знаю, что мне никогда не спрятаться от всех этих ужасов и лишений. И это – самое страшное, Сэм: нигде не спрятаться от войны...

Я держал ее ладонь в своей и не знал, что сказать, чем утешить. Я не боялся войны, поскольку умел воевать. Но когда Жук прислал мне фотографии Джулии, я понял, что никакое умение воевать не защитит моих близких. Пока я жив, Джулия будет в опасности. Пока жива она, мною можно вертеть, как угодно.

И вот это треклятое чувство собственной незащищенности пугало меня ничуть не меньше, чем Марину.

Погрузка закончилась, и грузовик, вздрогнув, покатиł по дороге в направлении южной границы Эль-Бургана.

* * *

2021 г., Сирджан, Иран

– Все будет хорошо, Крол... – бормочу я. – Все будет просто замечательно...

Капрал Банни болтается за спиной, точно рюкзак. Руки-лямки обвивают мою шею, кисти сцеплены на груди. Идти тяжело. Я потерял прилично крови, благо смог кое-как прижечь-перебинтовать сочащиеся, но, в общем-то, пустяковые раны. В сравнении с тем, что случилось с Крольчатинной, мне о них и говорить как-то стыдно: парень без ног останется, а я из-за царапин переживаю...

Мы бредем прочь из вымершего Сирджана. Мне бы вести себя осмотрительнее, осторожнее – вдруг где-то притаился «боевик» с автоматом? – но, честно говоря, мы с Кролом оба как-то не слишком переживаем на этот счет. Обычный, абсолютно нормальный человеческий страх не спешит возвращаться. Такое ощущение, что мы истратили его весь, там, среди свистящих пуль,

взрывающихся гранат, криков боли, отчаяния и ненависти и теперь какое-то время просто физически не сможем бояться.

– Ты действительно в это веришь? – хрипит Крол в мое правое ухо. – Что все будет хорошо?

– Нет, не верю. Но зачем лишний раз убеждать тебя, что все будет плохо, если это и так очевидно? – усмехаюсь я.

– Спасибо, – благодарно шепчет капрал.

Его сердце уже не бьется так часто, как раньше. Мое – тоже. Мы пережили Мясорубку и теперь идем в наш лагерь, находящийся у черта на рогах. Дойдем ли? Кто его знает. Но попробовать определенно стоит.

Внезапно я слышу звук выстрелов. Крольчатина вздрагивает, раз, другой, третий, и я понимаю, что случилось, лишь когда он шепчет:

– Ну вот и все, старик...

Я чувствую, как по спине начинает течь что-то теплое, и ничком падаю на землю. Подо мной – горячая иранская земля, на мне сверху лежит, истекая кровью, мертвый Банни. Голосов я не слышу, что наводит меня на определенную мысль: стрелок всего один, без поддержки, а значит, можно попытаться застать его врасплох.

Лежу. Долго ничего не происходит. То ли стрелок просто не может поверить в свою удачу – что одной очередью удалось убить сразу двух «америкосов», – то ли он легкомысленно потерял к нам всякий интерес, едва мы упали. Рубашка моя уже пропитана кровью убитого товарища, солнце беспощадно печет голову. Вдобавок на мою правую щеку садится огромная муха и начинает сказать по лицу вверх-вниз, вызывая желание расплющить ее ладонью, но я упрямо продолжаю лежать. Это не самая страшная мука, убеждаю я себя. Две сотни человек, почивших в Сирджане, не дадут соврать: есть вещи куда более неприятные, чем надоедливые мухи.

И тем не менее хочется хотя бы почесать щеку... и подбородок... и нос...

Наконец небеса решают вознаградить мое терпение, и я слышу шаги. Они не отличаются робостью: видимо, ублюдок уже не сомневается, что отправил нас к праотцам. Я лишний раз убеждаюсь, что он один. Вот воцаряется тишина – наверное, остановился. Сердце бешено колотится в груди. Если «невидимка» окажется умным и опытным солдатом, то он непременно подойдет и наградит меня «контрольным» в голову. В таком случае моя хитрость моментально обернется глупостью.

Но ничего не происходит. Он просто стоит.

Томительное ожидание затягивается. Муха ползает по моему лицу вверх-вниз, пара десятков ее зеленых сестричек наверняка уже облепили труп Крольчатины: я слышу их мерное жужжание, похожее на гул трансформатора, и мысленно молюсь, чтобы крылатые твари не додумались лезть ко мне в нос и в уши. Хотя, если труп американского солдата вдруг громко чихнет, думаю, это неслабо деморализует подкараулившего нас иранца.

Снова слышу шаги, но теперь – удаляющиеся. Похоже, он уходит. Я не верю своему счастью. Неужели обойдется без «контрольного» выстрела? Нельзя упустить шанс: надо прикончить мерзавца, убившего Крольчатину, иначе велика вероятность, что он может вернуться, но уже с подмогой.

Сбросив с себя мертвого капрала, я резко сажусь, вскидываю руку с пистолетом, который сжимал в ней с самого начала... и лишь оторопело замираю с «пустынным орлом» в вытянутой руке.

От нас медленно удаляется мальчонка лет десяти, прижимая к груди огромный (по сравнению с самим обладателем) черный автомат. Он из местных, это видно по смуглой коже и чернильным волосам. Худющий (явно недоедал), заметно прихрамывает на правую ногу и явно с трудом передвигается – но идет упрямо, не позволяя себе остановок.

Последний защитник Сирджана.

Он опасен, несмотря на то что еще совсем юн и слаб. Крольчатина убедился в этом на собственной шкуре. И мне бы хотелось отомстить за смерть товарища... Но я не могу заставить себя нажать на спусковой крючок. Говорят, на войне все средства хороши. Но Сергей Мамонтов никогда не убивал детей и начинать не

собирается.

Пока мальчуган уходит, я, стараясь не шуметь, встаю и крадусь к ближайшему дому. Спрятавшись за углом, перевожу дух и бреду, петляя по улочкам. Я практически не сомневаюсь, что, кроме того малыша с автоматом, тут никого нет, но после неожиданной смерти Крольчатины во мне столь же внезапно пробуждается слегка подзабытое желание жить. Не потому, что хочется. Не потому, что на гражданке меня ждет сестра (которой, строго говоря, без меня проще, чем со мной). Я обязан выжить и добраться до лагеря хотя бы потому, что моя смерть обесценит подвиг ста девяносто девяти моих собратьев по оружию. Кто-то ведь должен поведать генералу Тейлору о том, какой трагедией закончилось вторжение в Сирджан для нашей бедовой роты, о том, насколько бездарно была спланирована вся эта операция.

Я скажу ему все, без обиняков, несмотря на то, что я – вшивый рядовой с русскими корнями, а он – легендарный Джон Тейлор, лицо Легиона, предводитель объединенной армии Штатов и Европы, звезда мирового уровня. Станет ли он слушать меня? Ему придется. Иначе весь мир узнает о бездарном решении командования, приведшем к Сирджанской Мясорубке, в которой из всей роты американских солдат выжил всего один человек.

Сирджанская Мясорубка...

Думаю, телевизионщикам понравится.

* * *

2031 г., Эль-Бурган, Кувейт

Я проснулся от детского плача. Открыв глаза, уставился на сидящего передо мной мужчину – смуглого и седобородого, вероятно, коренного жителя Кувейта. Зажмурив глаза, он беззвучно шевелил губами; наверное, молился. На руках у него лежал младенец, завернутый в грязную пеленку, он-то меня и разбудил. Младенец кричал очень громко, но мужчина не обращал внимания на эти вопли и продолжал усиленно звать к Аллаху.

Удивительно, но, кроме нас с Мариной, в этом грузовике были одни арабы, хотя по официальной статистике в Эль-Бургане обитало немало выходцев из Европы и США. Впрочем, нас с Мариной это нисколько не расстраивало: так, по крайней мере, никто не пытается залезть к тебе в душу или поделиться мыслями насчет происходящих в Кувейте «разборок», никто не расспрашивает тебя о твоём прошлом и не рассказывает о своём.

Я хотел было вновь погрузиться в сон, однако звуки выстрелов действовали на меня, словно ледяной душ. Повернув голову, я увидел, как к идущему следом за нашим грузовику Легиона стремительно приближаются два армейских пикапа Синдиката. В кузове каждого располагались по два бойца, один – с автоматом, второй – с внушительной «мухой». Сидящие по правую руку от водителей стрелки поддерживали их огнем из пистолетов.

– Боже... – услышал я знакомый голос Марины. – Они и тут нас достали...

Я инстинктивно сжал ее ладонь в своей, прошептал:

– Ничего, прорвемся... Ты ведь помнишь, как я наподдал тем громилам в баре, а?

И ободряюще подмигнул.

Она хотела было высвободить руку, потом отчего-то передумала, и мы так и остались сидеть, словно влюбленные голубки в кинотеатре, – ведь то, что происходило позади нашего грузовика, вполне сгодилось бы для показа на большом экране.

Пули свистели, разрывали воздух. Гранатометчики отчего-то не спешили пускать в ход грозное оружие – видимо, хотели отвоевать грузовик для собственных нужд, а не просто разбомбить. Пикап, идущий впереди, судя по всему, должен был отвлечь на себя внимание водителя и сидящего рядом с ним стрелка, пока бойцы из второго перебираются к беженцам в кузов.

Впрочем, подобное легко проделывается обычно как раз таки в кино, где сложность трюков определяется только фантазией сценариста да размером бюджета.

Водитель грузовика, прекрасно понимая, насколько его автомобиль превосходит в габаритах машины преследователей, крутанул руль влево, стремясь вытолкнуть первый пикап с трассы. Однако рулевой Синдиката тоже оказался не лыком шит: готовый к подобному маневру противника, он легко ушел в сторону и тем самым избежал губительного для себя столкновения.

Надо же было покидать город в столь неудачное время, думал я, наблюдая, как солдат-легионовец высовывается из окна и, держа в вытянутой руке пистолет, целится в первый пикап. Он успел выстрелить буквально два раза, да и то в молоко, прежде чем его снял куда более меткий боец Синдиката. Содрогнувшись всем телом, легионовец попросту выпал из окна на дорогу. Я видел, как он катится прочь по серому полотну асфальта и замирает у подножия придорожного бархана.

Таким образом, водитель грузовика остался в гордом одиночестве. Однако на то, чтобы сокрушаться по этому поводу, у него банально не было времени: армейский пикап Синдиката маячил слева, огрызаясь автоматными очередями и одиночными из пистолета. Однако все пули летели мимо, не причиняя никакого вреда ни водителю, ни грузовику. Это косвенно подтверждало мою идею с захватом – ведь если ранить сидящего за баранкой, машина потеряет управление и наверняка съедет с дороги, возможно, даже перевернется. А зачем нападающим такие хлопоты?

– Что они делают? – удивленно пробормотала Марина. – Неужели так трудно попасть с двух метров?

– Действительно странно, – решив не умничать, согласился я.

Второй пикап давным-давно выпал из поля зрения, пристроившись за грузовиком, и я мог только гадать, удалось ли нападавшим перебраться в кузов. Возможно, среди тех беженцев нашелся смельчак, решивший встать на пути захватчиков, возможно даже, таковых смельчаков оказалось сразу несколько, и теперь они всеми силами пытаются не позволить Синдикату добраться до водителя.

Интересно, что бы сказал Уоррен, если бы увидел своими глазами, что вытворяют в далеком Кувейте его треклятые солдаты? Или же он сам предложил им действовать подобным образом – не жалея «дикарей» из «Богом

забытой страны»? Господин Уоррен упорно пыталась разделить людей на «полезных» и «бесполезных», но критерии этого раздела были непонятны, судя по всему, даже ему.

Тем временем водитель грузовика, оставив попытки выдворить более юркий пикап с дороги, решил действовать нестандартно и резко ударил по тормозам. Я понял это, когда машина Легиона замерла на месте и второй пикап, видимо избегая столкновения, слетел с дороги и нырнул носом в бархан. Однако куда больше меня удивило иное зрелище: из-за резкого торможения грузовик буквально развернуло вокруг собственной оси, и я увидел, что в кузове находятся не беженцы, а носилки с ранеными солдатами, которые теперь были хаотично разбросаны по полу. Одного из легионеров и вовсе выбросило на дорогу, где он теперь лежал в неестественной позе – то ли потерял сознание, то ли погиб.

Я не отрываясь смотрел на грузовик и потому упустил момент, когда гранатометчик из первого пикапа все же сделал свое черное дело. Возможно, его огорчил вид увязшей в песках машины с верными товарищами, возможно, просто утомила погоня. Как бы то ни было, на моих глазах кузов с ранеными солдатами разорвало на части, как и отважного водителя, до последнего не терявшего надежду спасти себя и живой груз.

– Господи... – в ужасе прошептала Марина.

Остальные были шокированы не меньше. Некоторые из них даже ошибочно решили, что американцы нарочно изничтожают беженцев, и это вызвало настоящую панику. Дети прижимались к плачущим матерям, старики оживленно переговаривались на местном наречии, видимо решая, как быть, если по нам тоже откроют огонь.

Я перевел взгляд на первый пикап. Гранатометчик отшвырнул в сторону отслужившую свое «муху» и проорал что-то, тыча пальцем в сторону нашего грузовика. Пикап ускорился и стал стремительно приближаться к нам. Все стояли на ушах, Марина вцепилась в меня так крепко, что ногтями содрала кожу до крови. Будто это могло спасти нас от пуль!..

Однако ее теплая ладонь помогла мне решиться на крайне рискованный поступок.

То, что я сделал после, возможно, не следовало делать вовсе. Но я был слишком взбешен тем, с каким хладнокровием Синдикат уничтожил грузовик с ранеными легионщиками, и потому действовал скорее по наитию, чем осознанно.

Возможно, не будь рядом Марины, я бы совладал с этим порывом, но она жалась ко мне, верила в меня, памятуя о том, как я уже помог ей однажды, и, готов поспорить, надеялась, что помогу и теперь.

– Ты куда? – недоуменно спросила она, когда я ловко высвободил руку и рывком поднялся.

Я не ответил. Всего четыре шага понадобилось, чтобы преодолеть расстояние до края кузова. Пистолет из-за пазухи я выдернул так быстро, что Клинт Иствуд с ума бы сошел от зависти. Я видел, как брови гранатометчика взлетают на лоб, как он спешно тянется к пистолету в кобуре под мышкой, и знал: ему не успеть. Время будто замедлилось. Вырвавшись из дула пистолета, пуля устремилась к ублюдку и вошла точно между его огромных жабьих глаз. Потеряв равновесие, он рухнул навзничь и едва не вывалился наружу – спас только вовремя ухвативший его за ногу товарищ. Впрочем, выручило их это не сильно: следующая пуля досталась именно этому типу. Кувыркаясь, он покатился к краю. Я отметил это мимоходом, уже стреляя в сидящего на пассажирском сиденье синдикатовца. Лобовое стекло пошло трещинами, парня будто пригвоздили к креслу. Последняя пуля досталась водителю, ведь он был виновен в гибели десятков раненых не меньше сослуживцев. Шофер рухнул на руль, скатился по нему и уткнулся лицом в колени пассажира, а тот сидел, склонив голову чуть набок и закатив глаза, – прямо подарок для истинных ценителей пошлых американских комедий. Потеряв управление, пикап скатился за обочину, где застрял в песке, подобно тому, что первым вышел из гонки. Колеса его крутились совсем недолго.

К тому моменту, когда я опустил пистолет, в кузове нашего грузовика царила гробовая тишина. Даже дети, казалось, ошалели от увиденного. Все действительно прошло на удивление складно: четыре пули – четыре убитых и один застрявший в «песочнице» пикап. Когда я возвращался на оставленное место рядом с Мариной, меня пожирала десятки настороженных взглядов.

– Ты убил американцев, – сказал мой сосед по лавке.

– Они взорвали грузовик с беженцами и ранеными, – объяснил я. – Я просто не выдержал.

Он с пониманием кивнул и отвернулся. Удивительно, но буквально через минуту все забыли о случившемся, словно о незначительном пустяке, лишь изредка поглядывали с уважением. Если поначалу они были удивлены, то потом, видимо, все хорошенько обдумали и решили, что это вполне нормально, когда одни американцы убивают других. Логика здесь проста: чем больше будет убито американцев, тем меньше их останется в Кувейте.

И только Марина еще очень долго сидела с круглыми глазами и смотрела в стену перед собой невидящим взглядом. Я ее не дергал: одно дело, когда мужчина вступает за тебя в баре и побивает обидчика пудовыми кулаками, и совсем другое, когда он на твоих глазах убивает четырех солдат из неведомо откуда взявшегося всамделишного пистолета.

И в тот момент, когда я уже отчаялся услышать ее голос, она вдруг сказала – не горько, не радостно, а как-то чертовски буднично:

– Только сейчас я поняла, Сэм, что ровным счетом ничего о тебе не знаю.

– Ты знаешь, что я не дам тебя в обиду, – неожиданно даже для самого себя сказал я. – Этого достаточно.

Резко повернувшись ко мне, она пронзила меня взглядом, а потом отвернулась и еще долго молчала, не зная, видимо, как ей реагировать на мои слова.

Наше путешествие в Эль-Вафру продолжалось. Машины Синдиката больше не следовали за нами, точно хвост за дворнягой; видимо, перехват грузовиков не был приоритетной задачей, раз командование Синдиката отрядило для этих целей всего два экипажа.

Сказать по правде, я до сих пор не мог поверить, что война за драгоценное «черное золото» может быть настолько подлой. Напасть на машину, перевозящую раненых... Треклятая частная армия Уоррена, судя по всему, собрала под свои знамена последнее отребье, готовое на любую гнусность ради заветного хрустящего доллара. Никто из нас, имевших отношение к конфликту Легиона и Синдиката, не мог похвастаться безупречным резюме. Но вояки старой закалки, я знаю точно, ни за что не стали бы добивать раненых. Именно поэтому я и был так зол на ублюдков, разнесших грузовик в пух и прах.

Я огляделся по сторонам, на сидящих вокруг беженцев. Не знаю, выдадут ли они меня, но почему-то кажется, что нет. Другое дело, что у сидящих в кабине солдат могут возникнуть некоторые вопросы а-ля «Кто стрелял?». Тот же водитель почти наверняка видел, как один за другим умирают синдикатовцы в последнем уцелевшем пикапе. Хотя если беженцы будут молчать, то подозрения так и останутся всего лишь подозрениями...

– Я должна сказать тебе спасибо, Сэм.

Я вздрогнул от неожиданности – слишком погрузился в свои мысли. Повернул голову и наткнулся на ее благодарный взгляд.

– Да ладно тебе, – выдавив из себя самую беззаботную из моих фальшивых улыбок, заверил я. – Пустое.

– Пустое? Ну, нет. Твоя скромность сейчас вообще неуместна, – поморщилась девушка. – Ты меня спасаешь второй раз за два дня. По-твоему, это пустяк?

– Ну, справедливости ради, сейчас я спасал нас всех, включая и себя...

– Не пудри мне мозги, Сэм. Я ведь не слепая. Ты будто оцепенел поначалу. Только когда я тебя за руку схватила, тогда и ожил.

– Как скажешь, – улыбнулся я.

– Я еще в баре поняла, что ты не из простых. – Марина смерила меня оценивающим взглядом. – Ты солдат? Или полицейский?

– Солдат, – признался я, но тут же добавил:

– Бывший. Довелось служить...

– С твоими талантами ты, наверное, был... большой шишкой! – Она усмехнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/burnosov_yuriy/likvidator

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)